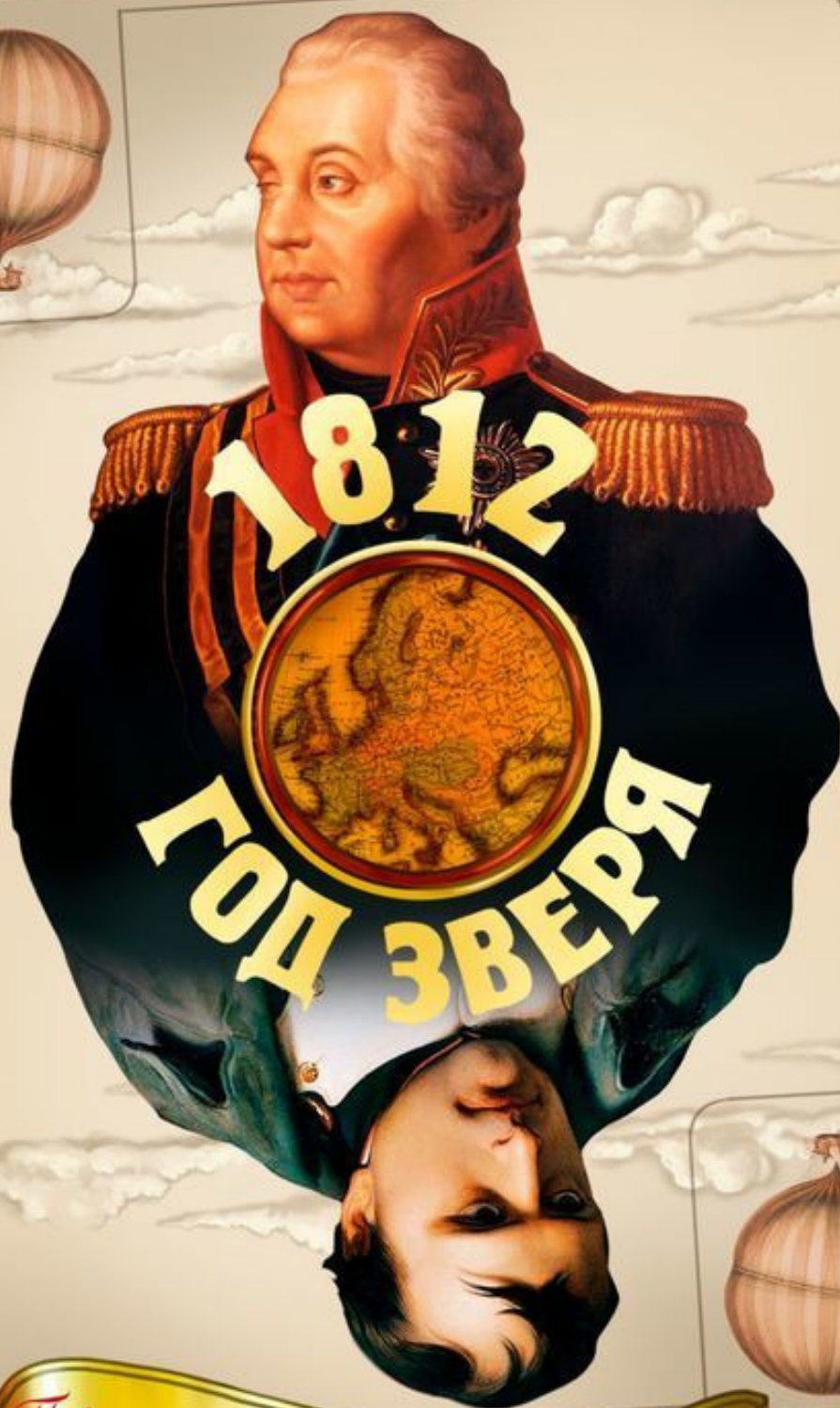

18+

Лев Портной

1812

ГОД ЗВЕРЯ

Приключения графа Воленского

Лев Портной

**1812, год зверя. Приключения
графа Воленского**

«Издательские решения»

Портной Л.

1812, год зверя. Приключения графа Воленского / Л. Портной —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513173-7

В Россию пришла война. Уже сожжен Смоленск, Великая армия Наполеона подступает к Москве. Граф Воленский, прибывший из Лондона, рассчитывает отправиться на поле боя. Но по распоряжению Александра I он направляется в Москву, чтобы изобличить крайне опасного французского шпиона.

ISBN 978-5-00-513173-7

© Портной Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

1812, год зверя Приключения графа Воленского

Лев Портной

Редактор Д. Хвостова

Корректор Т. Ширма

Иллюстратор Дмитрий Хузин aka Skolzky

© Лев Портной, 2020

© Дмитрий Хузин aka Skolzky, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3173-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я наблюдал в окно за движением на Невском проспекте. Озабоченные купцы и приказчики спешили по своим делам. Мещане подгоняли подводы, груженные скарбом. Их лица, движения выдавали напряжение. Вероятно, напуганные Наполеоном, они покидали Санкт-Петербург в расчете укрыться в отдаленных местах.

Но часть публики выглядела праздной. Барышни совершали дневной моцион. За юными созданиями волочились кавалеры. Кажется, меня в Лондоне боевые сводки волновали больше, чем их. Они полагали, что война где-то далеко и никогда не коснется их.

Люди такие разные могли позабавить досужего наблюдателя. Беглецы избегали смотреть прямо в лица праздным гулякам, но в косых взглядах читалось осуждение легкомыслия. А блистательные франты и барышни отвечали презрительными усмешками и, хотя вынуждены были уступать дорогу подводам со скарбом, делали это с чувством превосходства и снисхождения к паникерам.

А порой проходили юноши с золотыми эполетами, в шляпах с султанами. Щегольское обмундирование привлекало внимание толпы. Все знали, что со дня на день они отправятся на фронт. А пока золотые эполеты вызывали любовь и уважение, которого так хотели снискать юные ополченцы, снискать заблаговременно, еще до подвигов, потому что позднее многим будет не суждено насладиться славой.

– Сударь, какой платок-с вы изволите-с выбрать? – отвлек меня камердинер.

– А знаешь, Жан, чего я боюсь? – спросил я, пропустив вопрос о платке.

– Чего?

И в этом его «чего?», а точнее в голосе, звучала филиппика «а разве вы вообще чего-либо боитесь?»

– А боюсь я, Жан, того, что царь батюшка выслушает мое сообщение и мне же поручит разбираться с этим делом, – промолвил я, сам размышляя, как бы и впрямь не получить от его величества этого задания.

– А что это, сударь, за дело-с? – поинтересовался мосье Каню.

– А что за тело, не твое дело, – отшутился я.

– Как же-с, сударь, я дам вам совет, когда вы толком-с не говорите ничего, – посетовал Жан.

– Don't be curious don't make me furious!¹ – ответил я.

– Ну-с, как знаете-с? – буркнул французишка и поставил короб с платками на диван.

– Жан, ты ничего не напутал? Сколько мне еще ждать этого надворного советника?! – возмутился я.

– Барин, сударь вы мой, – французишка от обиды вытянул губы трубочкой и повел ими так, словно хотел щипнуть себя за правый ус. – Ничего я не напутал-с! Надворный советник-с Косынкин сказал, что заедет-с за вами...

– Ну и где его носит, этого Косынкина?!

Французишка не ответил, только бровями повел.

Я еще некоторое время наблюдал в окно за санкт-петербургскими франтами, а затем повернулся к зеркалу.

– Жан, ты уверен, что я не похож на иностранца? Я просил тебя внимательнее приглядеться, как нынче одеваются в России.

– Что я вам-с, модистка что ли? – огрызнулся французишка.

Я не успел ответить, как зазвонил колокольчик, и камердинер пошел встречать гостя.

---

¹ Don't be curious don't make me furious – (англ.) Не будешь любопытным, не разозлишь меня.

– Ваше превосходительство, – переступив порог кабинета, выпалил надворный советник Косынкин. – Дали необходимые распоряжения. В Кронштадт отправится команда.

– Что ж, великолепно, – ответил я.

– А вас ждет канцлер, ждет с нетерпением! – напомнил надворный советник.

– Собственно, дело было только за вами. Я давно готов. Почти готов, – сказал я, схватил за рукав мосье Каню и толкнул его за коробом с платками.

Я прибыл в Санкт-Петербург для личной аудиенции его императорского величества. Но заодно выполнял и частное поручение государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева. Впрочем, частным такое поручение можно было назвать *per abusum*².

А для меня лично самым главным делом был перевод в действующую армию. Я рассчитывал поскорее передать государю секретные донесения и хлопотать о своем назначении. Находиться на дипломатической службе, когда корсиканский недомерок, заразив полоумием всю Европу, вторгся со своей *La Grande Armee*³ в Россию, я не мог.

– Уверен, государь не откажет мне, – промолвил я, выбирая платок. – Сейчас я хочу одного – бить французов.

Жан, державший передо мною короб с платками, шмыгнул носом. А надворный советник Вячеслав Сергеевич Косынкин с жаром откликнулся:

– Эх, Андрей Васильевич, как я вас понимаю! И я хочу! Хочу бить французов!

Глаза его загорелись. А мосье Каню вытянул губы трубочкой вправо, словно хотел ущипнуть себя за ус, еще раз шмыгнул носом и покосился на гостя с опаской.

– Так что же не бьете? – спросил я надворного советника.

– Хех, – выдохнул Вячеслав Сергеевич. – Да я...

Он запнулся и скользнул глазами по ковру, словно в персидских узорах искал подсказку. Я следил за ним через отражение в зеркале. Вдруг он решительно поднял голову и продолжил:

– Я служил в Смоленске, я просился в действующую армию, но... так сложились дела. Пришлось податься в Петербург. Да вот и его высокопревосходительство Николай Петрович настоял, дескать, и в тылу дельные люди нужны. Прямо-таки вырвал у меня согласие. Теперь сам сомневаюсь: не смалодушничал ли я, что поддался на уговоры.

Я выбрал синий платок, приложил его к шее, глянул в зеркало и остался собою доволен.

– Ступай себе, Жан, – отпустил я камердинера.

И французишка удалился, умудрившись одною спиною выразить нам немой укор.

Надворный советник вздохнул и добавил несколько странную фразу:

– Ну, ничего, – сказал он, – когда французов погоним за границу, всенепременно поступлю в армию.

Я ничего не ответил. Вячеслав Сергеевич смотрел, как я повязываю платок, и вдруг выдал:

– Вы, Андрей Васильевич, прямо как денди лондонский.

– Я провел годы в Англии и решительно больше похож на англичанина, чем на русского. Но смею вас заверить, душою остался русским, – ответил я, смахнул пылинку с рукава и добавил. – Окей, дед Мокей, я готов.

– Канцлер ждет нас, – надворный советник Косынкин приподнялся с дивана.

В то же мгновение в кабинет вернулся мосье Каню.

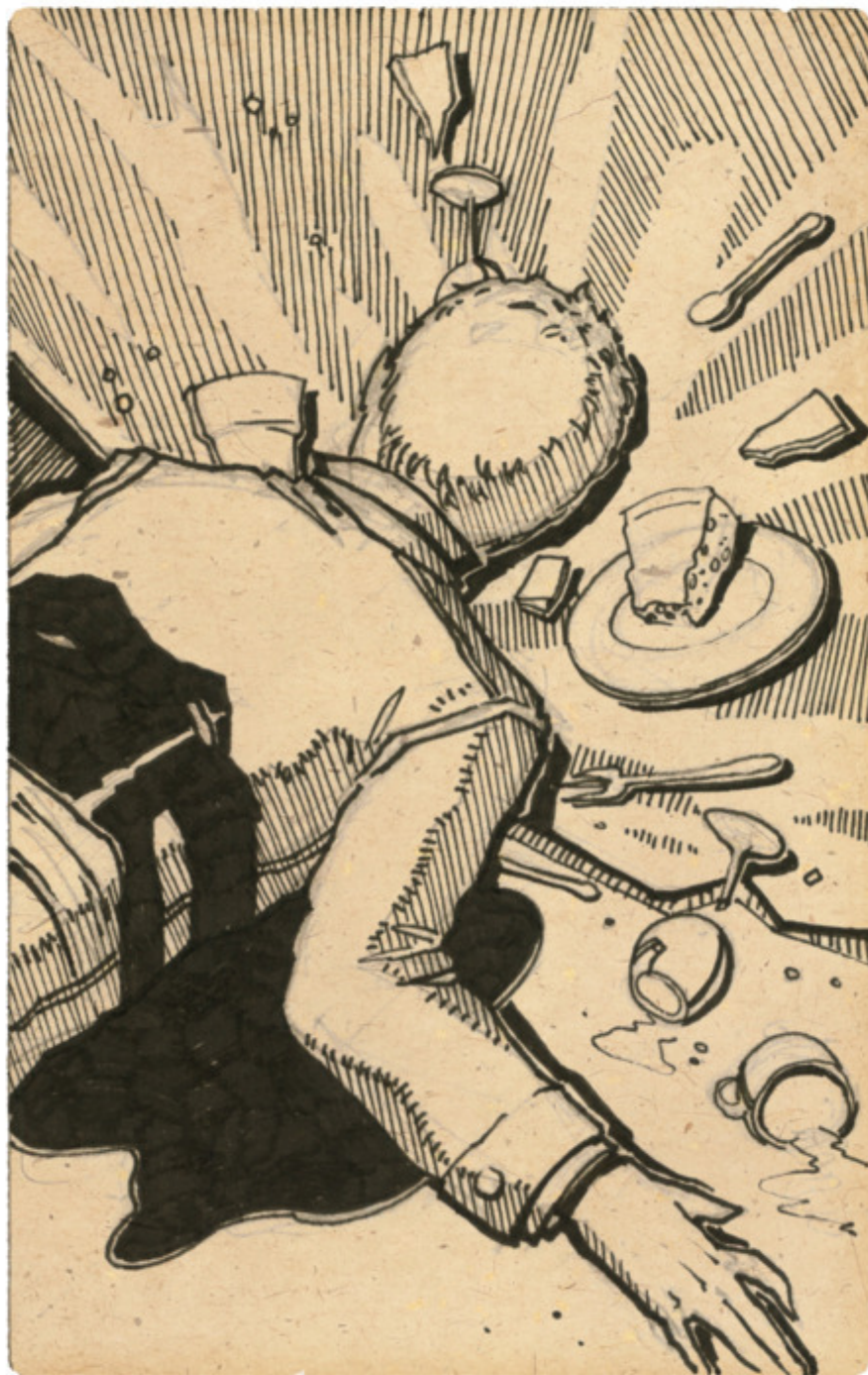
– Барин, сударь, тут человек-с к вам пришел. Сказал-с, что от генерала Вилсона.

– От Вилсона? – удивился я. – Давай-ка сюда его...

---

² *per abusum* – (лат.) с натяжкой.

³ *La Grande Armee* – (франц.) Великая Армия.

Грохот и звон бьющейся посуды, раздавшийся за дверью, прервали мои слова. Удивленный камердинер пошел выяснять, что случилось. Мы с надворным советником двинулись следом. Жан Каню топтался за столом и разглядывал на полу что-то, столешницей скрытое от нашего взора. Неожиданного гостя видно не было. Вероятно, опрокинув какую-то вещь, он смутился

и убежал. Что бы ни разбил незнакомец, а только сведения от генерала Вилсона были намного важнее. И огорченный исчезновением гостя, я буркнул:

– Куда же он делся?

– Так вот же он-с, – откликнулся французишка.

И мы, пройдя еще пару шагов, увидели распростершееся на полу тело. Человек лежал, откнувшись лицом в скатерть, – ее он стянул со стола, когда падал. Осколки сервиза разлетелись по гостиной.

– Вот те на! – воскликнул надворный советник Косынкин.

Я склонился к незнакомцу и приподнял его голову. Он был мертв, сюртук на спине под левой лопаткой пропитался кровью.

Я бросился к выходу, вниз по лестнице, выбежал на улицу и оказался на Невском. Купцы и приказчики все так же шли по своим делам. Кавалеры флиртовали с дамами. Напротив парадного остановилась подвода, ее хозяин поправлял грозившие свалиться тюки.

– Сударь, сударь! – я подскочил к нему. – Вы не видели, кто только что выходил из этого дома?

Он вытаращил на меня глаза, удивляясь, как это я мог подумать, что он приметит случайных прохожих, когда он занят своими пожитками.

– Простите, ваше благородие, но мы никого не видели.

На подводе сидели мальчик и девочка. Толстая баба, жена этого мещанина, развернувшись вполоборота на козлах, придерживала детей. Их отпрыски поверх материнской руки смотрели на меня волчатами. Баба на мой вопрос только покачала головой и скороговоркой прибавила:

– Простите, барин, да мы не смотрели по сторонам.

На улице появились надворный советник Косынкин и мосье Каню. Я развел руками, показав им, что упустил убийцу.

– Вот что, Жан, – сказал я камердинеру. – Найди дворника и позови полицеймейстеров. А мы поедем к графу Румянцеву. Государственный канцлер ждать не будет.

– Дом у вас большой, нужно бы и прислуги побольше, – посоветовал по пути надворный советник Косынкин. – А то ж вот убийца зашел и ушел, никто и не видел.

– Я не рассчитываю надолго задерживаться в Петербурге, – ответил я.

Спустя полчаса мы были на Английской набережной. Поднялись к парадному подъезду, встреченные свирепыми взглядами каменных львов, и швейцар отворил высокие двери. Мы вошли в дом государственного канцлера.

Известие о том, что графа Румянцева хватил удар, застало меня в Лондоне перед самым отбытием в Россию. Выглядел он неважно. Впалые щеки посерели, фигура его сделалась угловатой, запах от него исходил нездоровый. Я улыбнулся ему, но не стал скрывать озабоченности, вызванной нынешним состоянием государственного канцлера. Я подошел к креслу, наклонился, обнял Николая Петровича, и мы трижды расцеловались.

– Смотри-ка, – сказал он присутствовавшему в кабинете Александру Дмитриевичу Балашову. – Андрей Васильевич русских обычаев не забыл!

Несчастье сказалось и на его речи, говорил он с трудом, растягивая гласные и спотыкаясь на согласных.

Я поклонился Балашову. Министр полиции ответил кивком. Державшийся в стороне надворный советник Косынкин не ожидал столь радушного приема, но теперь улыбался искренне.

– Не бережете вы себя, ваше сиятельство, – покачал я головой, обратившись к графу Румянцеву.

Николай Петрович махнул плохо слушающейся рукой и с болью в голосе ответил:

– Мир не берегли! Что уж себя беречь!

– Мир восстановим, – сказал я. – А вы нужны здоровым сейчас, а в мирное время тем более.

– Ну, если стану совсем немощным, уж бокал, смею надеяться, ко рту поднесут, – буркнул канцлер. – Лучше поведайте, милостивый государь, что в Лондоне?

– Я доставил в Кронштадт ружья, закупленные за ваш счет. Вячеслав Сергеевич, – я повернулся и кивнул надворному советнику, – любезно взял на себя хлопоты о приемке оружия и передаче в армию.

– Хорошо, хорошо, это мой маленький личный вклад в победу, – промолвил Николай Петрович.

– А с нами произошло нечто совершенно невероятное по пути к вам, – сказал я и продолжил, повернувшись к Балашову. – Очень хорошо, что вы здесь, ваше высокопревосходительство. Только что в моей квартире убили человека.

– Как это – убили человека? – благодушие на круглом лице министра полиции сменилось удивлением.

– Пришел неизвестный, попросил доложить о себе как о посыльном английского генерала Вилсона. Пока мой камердинер докладывал, кто-то еще вошел в квартиру, ударил посланника Вилсона ножом в спину и скрылся.

– Вот те на, – протянул граф Румянцев.

– Вы прибыли только вчера, – промолвил Балашов. – Значит, человек от Вилсона поджидал вас. Что ему нужно от вас?

– К сожалению, он уже не ответит, – сказал я.

– Но у вас есть какие-либо предположения? – с небольшим нажимом в голосе спросил Балашов.

– Предположений сколько угодно, но ничего конкретного, – я развел руками.

Александр Дмитриевич не отводил пытливого взгляда, рассчитывая на какое-то откровение с моей стороны. Но я рассудил, что не стоит рассказывать государственному канцлеру и министру полиции о том, что российский посол не доверил бумаге. Мои донесения предназначались для личного доклада его величеству, но аудиенцию Александр Павлович еще не назначил. Некоторые сообщения требовали немедленных действий, но став достоянием ненадежных сановников, могли принести больше вреда, чем пользы. Безусловно, потом государственный канцлер и министр полиции не простят мне утайки. Особенно, после этого убийства! Ведь одно из сообщений касалось перехваченного донесения генерала Вилсона.

И Балашов, и граф Румянцев ждали, что я пролью хоть какой-то свет на случившееся или хотя бы дам зацепку для следствия, но я молчал.

– А что же заставило вас лично покинуть Лондон? – насупившись, спросил Николай Петрович. – Вы же знаете, со дня на день произойдет назначение. Новому послу понадобится ваша помощь, особенно на первых порах. А вы бросили все! Кого испугались – Христофора или Христофоровны⁴?

– Уверен, его светлость Христофор Андреевич прекрасно справится. А у меня дело-то простое, – я улыбнулся со всей непосредственностью, на какую был способен. – Я намерен просить его величество о переводе с дипломатической службы в действующую армию.

Государственный канцлер и министр полиции смотрели на меня с разочарованием.

– И вы туда же, – поморщился Николай Петрович. – Вы же не юнец, а зрелый муж.

– Тем более! Раз уж мы, зрелые мужи, допустили такое бедствие, наша святая обязанность встать на защиту отечества! А юнцов нужно побережь! Юнцы – это будущее нашей родины!

---

⁴ Христофора или Христофоровны – вскоре после описываемых событий князь Христофор Андреевич Ливен был назначен послом в Великобританию. Его жена княгиня Дарья (Доротея) Христофоровна Ливен, урожденная графиня Бенкендорф.

Я умолк, испугавшись, что переборщил с патриотическим пылом. Николай Петрович кивнул на господина Косынкина:

– Вот и наш Вячеслав Сергеевич тоже в армию просится...

Надворный советник просиял, ошарашенный тем, что государственный канцлер подтвердил его готовность отправиться воевать.

– Между тем, милостивый государь, – продолжил граф Румянцев, – сложить буйную голову дело не хитрое. Юнцов, конечно, жалко, не спорю. Но вы можете применить свои незаурядные способности с большей пользой для отечества...

Государственный канцлер патетически повысил голос и оборвал фразу на полуслове. И он, и Балашов испытующе уставились на меня.

– Осмелюсь спросить, ваше сиятельство, в чем заключается ваше предложение? – произнес я.

– Как вы посмотрите на то, чтобы перейти на службу к Вязмитинову? Санкт-Петербург кишмя кишит всякой сволочью, завербованной Бонапартом. Да вам ли это объяснять! После случившегося! И чтобы вычистить Авгиевы конюшни, нужны надежные люди! И не просто надежные, а с живым умом! Ваши способности здесь принесут большую пользу.

Надворный советник Косынкин находился сбоку и чуть за спиной, вне поля зрения. Но я интуитивно почувствовал, с какою жадностью ждал Вячеслав Сергеевич моего ответа.

Смысл присутствия Балашова сделался ясным. Александр Дмитриевич с началом войны получил новое назначение и состоял при особе его императорского величества для особых поручений, оставаясь министром полиции и генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Управление министерством полиции он передал Сергею Кузьмичу Вязмитинову.

Но я-то зачем ему понадобился? Неужели Александр Дмитриевич так во мне заинтересован? Или граф Румянцев и Балашов неведомым образом узнали о секретном донесении, предназначенном государю императору?

– Перейти на службу в полицию? – переспросил я с удивлением. – Но только что вы меня попрекали, что покидаю Лондон накануне прибытия нового посла!

Глаза Николая Петровича оживились и обеспокоенно засверкали из-под густых, кустистых бровей. Похоже, он испугался, что я надумаю вернуться в Англию. Так вот оно что! Граф Румянцев при всей его любви к французам на поверку был византийцем. Затею с назначением меня в министерство полиции они придумали, чтобы обеспечить новому послу в Великобритании вакансии для его выдвиженцев.

В другое время я бы обиделся. Но сейчас желание князя Христофора Андреевича Ливена совпадало с моими устремлениями. Ему требовались вакансии в Лондоне для своих людей, а я рвался прочь из Англии, в Россию, в действующую армию.

Николай Петрович хотел было что-то сказать, но Балашов опередил его и с благодушным смешком промолвил:

– Если уж я, будучи полицейским, выполнял дипломатическую работу, то отчего же вам, дипломату, не испытать себя на полицейском поприще?

– И каковы ваши успехи? – спросил я.

– История, признаться, была бы комической, если б не война, – разоткровенничался министр полиции. – Да вы верно слышали. Я находился при императоре в Вильно. Его величество изволили уполномочить меня на переговоры с Наполеоном. Я отбыл вместе с полковником Орловым Михаилом Федоровичем. Он совсем еще молод, двадцати четырех лет от роду. До аванпостов добрались только на следующий день. Там завязали нам глаза и эдак вот вслепую привели к маршалу Давусту.

– Даву, – невольно поправил я собеседника.

– Даву, так Даву, – согласился он и продолжил. – Я потребовал препроводить меня к французскому императору. Даву же ответил, что не знает, где искать императора. Однако же

вроде как отправили посыльного к Наполеону. Четыре дня держали меня в неизвестности, я было подумал, что французы взяли меня в плен, выразил негодование...

– Французы никогда бы не нарушили дипломатической неприкосновенности, – вставил граф Румянцев.

– Действительно, – кивнул Александр Дмитриевич, – Давуст... Даву объяснил, что Наполеон целыми днями разъезжает по позициям, и они решительно не знают, куда направить меня, чтобы я застал его. Наконец меня сажают в карету, везут под конвоем в Вильно, и – какого же было мое изумление! – Наполеон принимает меня ровно в том кабинете, из которого неделю назад на встречу с французским императором отправил меня наш государь.

Министр полиции умолк и вперил в меня жадный взгляд, ожидая, что я выражу изумление или еще какое-нибудь чувство. Но на меня его история не произвела особого впечатления. Тем более что в Лондоне об этом происшествии стало известно еще до того, как Александр Дмитриевич покинул приемную корсиканского недомерка.

– Случай и впрямь курьезный, – промолвил я ровным голосом.

– Александр Дмитриевич скромничает, – вмешался граф Румянцев. – Знаете, что он ответил, когда Наполеон спросил, как добраться до Москвы?

И об этом давно было известно в Лондоне, но я хотел доставить удовольствие Николаю Петровичу и изобразил неведение.

– Так вот, – продолжил граф Румянцев. – Александр Дмитриевич ответил, что есть одна дорога – через Полтаву.

Николай Петрович разразился болезненным смехом, а польщенный Балашов потупил взор.

– Право, я восхищен! Ваш ответ непременно войдет в историю! – воскликнул я.

Министр нахмурился и сказал:

– Шутки шутками, а мои потуги, к сожалению, оказались неудачными. Ну да Бог с ним. Так что скажете, милостивый государь?

– Уверен, ваше высокопревосходительство, что мои успехи на полицейском поприще окажутся намного хуже ваших на поприще дипломатическом.

– Эх вы завернули! – крякнул министр полиции. – Настоящий дипломат! Не скромничайте, граф. Факты говорят об обратном. Помнится, десять лет назад в деле о строительстве акведука вы в одиночку проделали работу за все министерство внутренних дел, вместе взятое. А за год до того оказались напрасными все мои усилия по укреплению обороны Прибалтики. Вашими стараниями английская эскадра так и не достигла наших берегов.

– Да уж какие там мои заслуги, ваше высокопревосходительство! Все это было дело случая! – возразил я.

– Не скромничайте, Андрей Васильевич, не скромничайте! – поддержал министра граф Румянцев. – Случай предоставляется каждому, а умеет воспользоваться оным только достойный.

«Не нахожу для себя достойной службу в полиции», – хотел сказать я, но, конечно же, не сказал.

– Уж не обессудьте, Николай Петрович, – промолвил я. – А только решение мое твердое: я намерен просить перевода в действующую армию.

– У вас появится возможность лично заняться поимкой убийцы, проникшего в ваш дом, – сказал Балашов.

– Я бы предпочел, чтобы его изловило ваше ведомство, – ответил я.

Николай Петрович поднял руку, как бы предостерегая меня от поспешного решения, и промолвил:

– Андрей Васильевич, Андрей Васильевич, не торопитесь с ответом. Я понимаю ваши чувства. Русская армия отступает, в такое время кажется, что сидишь сложа руки, а нужно быть

на переднем фланге. Но со дня на день произойдут перемены. Только что прошел совет, мы участвовали в нем, и я, и Александр Дмитриевич, – граф Румянцев взглянул на Балашова. – Решено сменить главнокомандующего. Тактика Барклая никуда не годится, отступить далее некуда.

– И кто же?.. – я не закончил вопрос.

– На смену ему назначен Михаил Илларионович Кутузов. Весь русский народ за Кутузова, и государь согласился. В ближайшие дни мы погоним врага поганой метлой.

Я разделял мысли Николая Петровича и не сомневался в том, что вот-вот наступит перелом в ходе войны. И все же в душе оставалась тревога. Как вытекало из перехваченного нами сообщения, о котором я намеревался доложить лично его величеству, Наполеон был уверен в победе. Французский император полагал, что уже в сентябре займет Москву. А корсиканский недомерок, по моему убеждению, был хотя и безумцем, но не глупцом.

– Подумайте, – повторил граф Румянцев. – Время у вас есть. Мы отправляемся в Або. И вы будете участвовать в переговорах со шведским кронпринцем Бернадоттом...

– Но я, – я хотел возразить.

Канцлер жестом остановил меня и продолжил:

– Пока не завершится встреча в Або, и речи не может быть о вашем переводе. В переговорах участвуют англичане. Мы должны подписать, наконец, русско-шведский союзный договор! Бьемся над ним с начала года. Ваша помощь как представителя лондонской миссии незаменима. А по возвращении из Або будем решать. Государь сейчас крайне занят. Вряд ли он сможет принять вас до отъезда, скорее всего он удостоит вас аудиенции на пути в Великое княжество Финляндское. И к тому же, – собеседник с сожалением вздохнул, – с недавних пор удостоиться аудиенции его величества стало возможным только после аудиенции у графа Аракчеева.

Я испытывал досаду, но в душе понимал, что граф Румянцев прав. Лондон принимает самое действенное участие в переговорах со Швецией. Британский кабинет выделил миллион фунтов стерлингов на то, чтобы наследный принц Карл XIV Юхан Бернадотт стал стоворчливее, подписал договор с Россией и предпринял дополнительные шаги, которые развязали бы руки российскому императору на северо-западном направлении. Я хотел поскорее попасть в армию, но в такой ситуации спорить с государственным канцлером было бы ребячеством. Перевод на военную службу откладывался до окончания переговоров со шведским кронпринцем.

Но одна мысль огорчала меня. Мои донесения требовали немедленных действий. Если император удостоит меня аудиенции только на пути в столицу Великого княжества Финляндского, значит, меры будут предприняты лишь по возвращении. А вопрос был из числа таковых, когда промедление смерти подобно.

Что было делать? Доверить сведения кому-то из высших сановников? Но кому? Что, если по случайности, я откроюсь именно тому, кто недостойн доверия? Я хотел доложить лично его величеству, а уже он, государь император, пусть решает, кому препоручить следствие.

А тут еще Аракчеев! Я знал, что он сделает все для того, чтобы я не попал на прием к государю императору!

Глава 2

Уверенный, что граф Аракчеев ни за что не допустит меня до его величества, я подумывал о том, чтобы навестить княжну Нарышкину и через нее добиться высочайшей аудиенции.

Но в предположениях своих государственный канцлер ошибся: государь принял меня на следующий день. Война ничуть не изменила его манеры держаться. На губах его величества блуждала несколько застенчивая, даже смущенная улыбка, но при этом он выглядел величественно, как и должно повелителю великой империи.

Наш разговор проходил с глаза на глаз. Государь император пригласил меня в кабинет и приказал адъютанту принести нам кофия.

– Рассказывайте, Андрей Васильевич, рассказывайте по порядку, – Александр Павлович улыбнулся. – Во-первых, что у вас случилось вчера?

– Посыльный, ваше величество, явился посыльный от генерала Вилсона, и пока камердинер докладывал, неизвестный проник в дом и убил посланника от англичанина. Я думаю, несчастный мог что-то добавить к некоторым имеющимся у меня сведениям.

– А что же полиция? – спросил Александр Павлович.

– Расследование ведется. Но пока, насколько известно мне, результатов нет. Ни имени убитого господина, ни где он проживал, – пока ничего неизвестно.

– Что ж, жаль человека, но расследование – дело времени. Думаю, в ведомстве Вязмитинова догадаются послать запрос Вилсону, и тот прольет свет на случившееся. А теперь, граф, слушаю вас внимательнейшим образом, – государь император чуть-чуть наклонился в мою сторону.

– Ваше величество, я имею устные донесения, – начал я. – Одно из них касательно французского шпиона. Сведения представляются мне крайне важными. Уверен, вчерашнее убийство как-то связано с ними. Все остальное – сведения о шведском кронпринце... – здесь я позволил себе усмехнуться и продолжил. – Жане Батисте Бернадотте.

– Карл XIV Юхан Бернадотт, – с улыбкой произнес государь. – У меня голова занята предстоящими переговорами с ним. Давайте с него и начнем.

Я кивнул.

– Англичане крайне заинтересованы в том, чтобы русско-шведский союзный договор был подписан, – сказал я. – Швеция не сможет сохранять нейтралитет. Бернадотт должен занять чью-то сторону – России или Наполеона. Он до сих пор избегал подписания договора, что отражает его колебания. Но сейчас наступил момент, когда он не может более откладывать решение. У нас есть достоверные сведения, что Бернадотт принял нашу сторону. Лондон выплатил семьсот тысяч фунтов...

– Да, я знаю, – прервал меня государь.

– В действительности, – продолжил я. – Британский кабинет выделил миллион, а семьсот тысяч – это та сумма, что дошла до кронпринца.

Александр Павлович повел бровями, побуждая меня к дальнейшей откровенности.

– Триста тысяч фунтов поделили между собою камергер его высочества Веттерштедт и гофмаршал Адлеркрейц. Они придут в Або в свите кронпринца и будут сообщать графу Румянцеву о малейших нюансах в настроении Бернадотта, они подскажут, если что-то пойдет не так...

– Что-то пойдет не так, – задумчивым голосом повторил государь.

– Маловероятно, но вдруг в последний момент кронпринц изменит решение, – пояснил я. – Как я знаю, ваше величество, вы пригласили участвовать в переговорах лорда Кэткарта. Блестящий ход! Лорд Кэткарт одним своим присутствием напомнит Адлеркрейцу и Веттер-

штедту, что триста тысяч фунтов стерлингов, утаенные от Бернадотта, должны придать ему, Бернадотту, твердости.

– Если эти проходимцы обманывают своего государя, то что стоит им обмануть англичан? – с сарказмом промолвил Александр Павлович.

– С этической точки зрения – ничего, – подтвердил я сомнения императора. – Но есть и финансовая сторона дела. Англичане держат векселя, выписанные Веттерштедтом и Адлеркрейцом. И они будут предъявлены незамедлительно, если вдруг кронпринц решит, что союз с Наполеоном для него выгоднее, чем с Россией. В случае же подписания русско-шведского договора англичане обещали уничтожить векселя.

– Хорошо, – с улыбкой промолвил государь.

– Впрочем, ваше величество, – продолжил я, – полагаю, что в этой части наши рассуждения носят гипотетический характер. Я уверен в том, что Жан Батист Бернадотт принял окончательное решение встать на сторону России. Осмелюсь утверждать, ваше величество, намерение шведского кронпринца настолько твердое, что не изменится ни при каких обстоятельствах. Таким образом, теперь речь не идет о том, подпишет или не подпишет Бернадотт союзный договор – он непременно подпишет, – а речь идет о том, как добиться от него еще больших уступок и не дать ничего взамен.

– Не слишком ли излишняя ваша уверенность? – спросил император.

– Осмелюсь повторить, ваше величество, я уверен, Бернадотт не изменит решения, – стоял на своем я.

– Но откуда у вас такая уверенность? – строгим тоном спросил государь.

– Ваше величество, я много думал о характере и складе личности Жана Батиста Бернадотта, сопоставлял с теми сведениями, которые получали о нем по дипломатической и секретной линиям, и пришел к выводу: наступил момент, когда Бернадотт решился окончательно порвать с Наполеоном, а при необходимости выступить против французского императора.

Государь вышел из-за стола, я поднялся и вытянулся в струнку. Император сделал несколько шагов по кабинету и недовольным голосом произнес:

– Так вы полагаете, что император должен руководствоваться тем, что вы себе измыслили о характере шведского кронпринца?

Я не успел ответить, как Александр Павлович продолжил с сомнением в голосе:

– Впрочем изложите свою точку зрения. Будет любопытно послушать.

Он вернулся за стол и жестом разрешил мне сесть. Откинувшись на спинку кресла, император вытянул вперед руку и принялся выбивать беззвучную дробь по столешнице.

Душевный трепет охватил меня. Что, если и впрямь мои соображения о характере шведского кронпринца – всего лишь плоды воображения, не имеющие ничего общего с настоящим Бернадоттом? Я смутился, но вдруг словно со стороны услышал собственный голос:

– Ваше величество, Бернадотт – единственный из маршалов Наполеона, который не обязан Наполеону своим возвышением. Он получил полковничьи эполеты в августе 1793 года. Через год он получает высший чин французской революционной армии – чин дивизионного генерала. Он из тех генералов, которые считали Наполеона «паркетным» генералом. Бернадотт необыкновенно энергичен, владеет непревзойденной силой убеждения и при этом тщеславен сверх всякой меры. Он прославился как бесстрашный солдат и мудрый полководец. Полководец, который сперва думал о жизни своих солдат, а потом уже о победе! И солдаты боготворили его. Брось он клич, и его армия безоговорочно пошла бы за ним. И оглядываясь назад, он не вспоминает о тех, кто оказался в опале или – хуже того – был казнен. Он думает о том, что, будь у него в нужный момент чуточку больше дерзости, он бы занял в истории то место, которое занял Наполеон. В течение длительного времени его терзает жгучая обида на судьбу, а за этой обидой скрывается обида на себя самого, он не может простить себе того, что упустил свой шанс, упустил шанс самому взойти на французский трон. Он вынужден признать, что из-за собственной промашки на всю жизнь остался на вторых ролях, при том, что Наполеон терпеть его не мог и всегда отодвигал на третьестепенные роли. Военная карьера Бернадотта представлялась ему драмой, и эта драма усугубляется перипетиями в личной жизни. По иронии судьбы Бернадотт женится на Дезире Клари, красавице, первым мужчиной которой был Наполеон.

Александр Павлович усмехнулся и наклонился в мою сторону. На несколько мгновений я прервался, но государь не проронил ни слова, и я продолжил:

– И вдруг случилось невероятное! Судьба предоставила Бернадотту еще один шанс. Сын юриста и фермерши становится наследным принцем шведского короля! Но и тут новая обида. Когда во Франции стало известно об избрании Бернадотта преемником бездетного Карла XIII, Наполеон объявил решение шведского риксдага своей победой. Мало того, Наполеон объявил, что Бернадотт, став кронпринцем Швеции, поспособствует распространению его, Наполеона, славы.

Александр Павлович покачал головой и промолвил с укоризной:

– Андрей Васильевич, ближе к делу. Ближе к делу, прошу вас.

– Я перехожу к сути, ваше величество. Самым горячим желанием Бернадотта является желание отделаться от тени влияния Наполеона. Но он понимает, что должен действовать наверняка. Когда Наполеон начал войну против России, Бернадотт испугался того, что французские войска в считанные дни дойдут до Балтийского моря, а оттуда рукой подать до Швеции. В этой ситуации Бернадотт не решался выступить против французского императора, а напротив – склонялся к союзу с Францией, поскольку тень Наполеона все же меньшее зло, чем

вторжение армии Наполеона. Бернадотт никогда не сомневался, что Россия одержит победу в этой войне. Но он опасался, что Наполеон успеет дойти до Балтики и вторгнуться в шведские пределы в случае, если Швеция не поддержит его. Позднее Наполеона изгнали бы за пределы России, а в Швеции он бы так и остался.

– Что-то я вас не пойму, Андрей Васильевич, – император наморщил лоб. – Минуту назад вы уверяли, что Бернадотт заключит с нами союз, а теперь из ваших слов выходит, что он побоится разозлить Наполеона.

– Только что Бернадотт сделал окончательный выбор в пользу союза с Россией, – сказал я.

– Только что? – переспросил государь.

– После битвы под Клястицами, – уточнил я. – В то время, как вся русская армия во главе с Барклаем-де-Толли отступает, граф Витгенштейн дает французам сражение, побеждает и не пускает их дальше Двины. Уверившись, что французы до Балтики не дойдут, шведский кронпринц решил на союз с Россией, чтобы окончательно избавиться от влияния Наполеона и стать первым. Первым! Пусть не во Франции, так хотя бы в Швеции!

– Да, он прав, – промолвил государь. – И может не сомневаться. Знаете ли вы, Андрей Васильевич, что я запретил любые переговоры с Наполеоном и с его представителями до тех пор, пока последний иностранный солдат не окажется за российскими пределами. Балашов – вот последний парламентар, которого видел Наполеон! Более того, мы не остановимся до тех пор, пока не отстраним Бонапарта от власти. В этом мире вдвоем с ним нам сделалось невыносимо тесно. Либо я, либо он.

Вероятно, по моему лицу пробежала тень. Александр Павлович на мгновение умолк и спросил:

– Что-то не так, Андрей Васильевич? Вы как-то странно смотрите. Словно вы не согласны со мной.

– Осмелюсь дать вам совет, ваше величество? – попросил я.

– Извольте. На то вы и нужны, чтобы советовать.

В голосе его величества не было нисколько сарказма, он смотрел на меня с дружеской теплотой. И осмелев, я сказал:

– Ваше величество, я бы советовал вам в переговорах с Бернадоттом занять совершенно противоположную позицию.

– Что значит – противоположную?

– Ваше величество, Бернадотт хотя и твердо решил подписать союзный договор с Россией, но он до конца будет делать вид, что не согласен на подписание, и постарается поставить свою подпись, только добившись серьезных уступок с вашей стороны.

– А каких уступок он хочет? – спросил государь.

Теперь в его голосе звучала уверенность в том, что мне известны все потаенные мысли шведского кронпринца.

– Во-первых, Бернадотт опоздает на встречу с вами в расчете показать, что не придает договору важного значения. А во-вторых, взамен на подписание договора он попросит вернуть Швеции Великое княжество Финляндское.

– Вот уж дудки! – неожиданно по-простецки воскликнул император.

– Так вот, ваше величество, – продолжил я, – вам и следует в разговоре с Бернадоттом сделать вид, что вы крайне удручены успехами Наполеоновской армии и намерены вступить с Наполеоном в переговоры, чтобы его армия остановилась на достигнутом...

– Да вы соображаете, что говорите?! – вскипел государь.

Он вновь выскочил из-за стола и принялся расхаживать по кабинету. Я поднялся и следил за государем, поворачиваясь всем корпусом вслед за его движением. Отступать было нельзя, и я заговорил:

– Я осмелюсь продолжить, ваше величество.

– Продолжайте, – император махнул рукой с таким видом, словно говорить мне осталось ровно до той секунды, как за мною явится конвой.

– Ваше величество, вы сможете сделать шведскому кронпринцу такие уступки, от которых он сам и откажется. Таким манером вы добьетесь от него подписания союзного договора, не дав ничего взамен. Если вы внушите ему, что намерены вступить в переговоры с Наполеоном, он и сам откажется от Финляндии, лишь бы убедить вас сражаться с Наполеоном до победного конца...

– Почему вы так в этом уверены? А что если он развернется и отправится заключать союз с французами? – в голосе государя появилось раздражение.

– Нет-нет, ваше величество! После победы графа Витгенштейна Бернадотт уже свыкся с мыслью, что навсегда избавится от влияния Наполеона. И расстаться с этой идеей ни за что не захочет! Уверю вас, он откажется от притязаний на Финляндию взамен на ваше обещание бить Наполеона до победного конца. Кроме того, ваше величество, в Великом княжестве Финляндском стоят наши войска в количестве тридцати пяти тысяч человек.

– И что? – государь нахмурился и посмотрел на меня с подозрением.

– Осмелюсь посоветовать, ваше величество. Предложите эти войска Бернадотту в помощь для войны с Данией!

– Война с Данией?! Да вы с ума сошли! Я не успеваю подивиться одному вашему совету, как вы выдаете следующий – похлеще предыдущего!

– Ваше величество, Бернадотт непременно откажется от военной помощи. Мало того, он возьмет на себя обязательство не покушаться на Финляндию, а взамен предложит вам перебросить русские войска из Финляндского княжества к Витгенштейну. Таким образом, он получит дополнительную гарантию, что Наполеон не доберется до Швеции.

Я замолчал. Несколько мгновений мы сидели в тишине. Государь продолжал беззвучно барабанить пальцами по столешнице. Наконец он произнес:

– Это все?

– Полагаю, что все, ваше величество. Хотя, полагаю руку на сердце, есть еще одна идея, на случай, если Бернадотт затребует еще каких-нибудь неприемлемых уступок.

– Так не тяните же, Андрей Васильевич! – воскликнул государь.

– Должен предупредить, ваше величество, что эта идея покажется вам совершенно невообразимой, – сказал я.

– Господи! Вы уже посоветовали признать победу Наполеона и затеять войну с Данией! Куда уж невообразимее! Так говорите же, что еще вы удумали!

– Вы можете пообещать Бернадотту, что когда с Наполеоном будет покончено, его, Бернадотта, изберут новым королем Франции, – сказал я.

На этот раз государь император молчал очень долго, внимательно разглядывая меня, и даже пальцы его прекратили беззвучную барабанную дробь. Наконец Александр Павлович спросил:

– Вы это серьезно? – и после небольшой паузы. – Вы всерьез говорите, что Бернадотт в это поверит?!

– Ваше величество, – воскликнул я. – Мог ли сын юриста и фермерши предположить, что судьба предоставит ему шанс стать императором Франции? Конечно же, нет. Но потом оказалось, что такой шанс был. Только воспользовался этим шансом другой человек – Наполеон. Мог ли сын юриста и фермерши помыслить, что судьба даст ему еще один шанс? Конечно же, нет. Но шанс появился! И он не упустил его! Он стал наследным принцем Швеции. Уверю, ваше величество, теперь он поверит!

– Что ж, Андрей Васильевич, вы меня позабавили. Я обдумаю ваши сведения, – промолвил государь. – Ну а вы? Какие имеете пожелания? Какими надеждами питаетесь?

– Что до моей скромной особы, ваше величество, так я желаю одного и смею просить вас о переводе в действующую армию.

Александр Павлович улыбнулся с грустью, его пальцы вновь начали отбивать чечетку.

– Давайте так, – произнес он. – Вы поедете с нами в Або. Будете под рукой, пока мы на практике проверим ваши умозаключения. А по окончании получите назначение.

И это назначение будет зависеть от того, насколько верными окажутся мои сведения, дополнил я, но вслух лишь сказал:

– Слушаюсь, ваше величество. Я прошу вас перевести меня из министерства иностранных дел предпочтительно под начало генерала Милорадовича.

– Вы что-то говорили о французском шпионе, – напомнил государь со скукой в голосе. – Их сейчас развелось так много.

– Полагаю, что этот шпион особенный, очень ценный для французского императора, – сказал я. – Уверен, из-за него и произошло вчерашнее убийство.

– Вы рассказали о нем Балашову? – спросил император.

Судя по тону, он задал этот вопрос просто так, на всякий случай, явно будучи уверен, что я рассказал бывшему министру полиции все, что знал о вражеском агенте.

Несколько помедлив, я ответил:

– Нет, ваше величество, ни Балашову, ни государственному канцлеру, – никому не сказал.

– Но почему? Балашов сделал бы распоряжение Вязмитинову, и тот немедленно начал бы розыск!

– Наполеон приказал агенту прекратить все контакты с другими агентами и дожидаться прихода французов в Москве. Отсюда я сделал два вывода. Во-первых, агент близок к кому-то из высшей власти, а может, даже и сам занимает высокий пост. Во-вторых, собранные им сведения будут иметь крайне важное значение для Бонапарта, но лишь тогда, когда он войдет в Москву. До тех пор, пока он не занял древнюю столицу, эти сведения для него бесполезны. Однако же в Москве они будут иметь столь высокую ценность, что Наполеон приказал принять все меры для того, чтобы этот агент паче чаяния не раскрылся. Как я уже доложил, по моему убеждению, французский шпион накоротке с кем-то из высших сановников, а то и сам состоит на службе. Вследствие этого я и не доверил никому сведения, в том числе и...

– Вы допускаете мысль, что Балашов – агент Бонапарта? – рассмеялся государь.

– Сам министр полиции вне подозрений, но его окружение! Ваше величество, я долгое время находился в Лондоне и решил, что вы надежнее разберетесь, кому можно поручить следствие по этому вопросу. Кроме того, – продолжил я с воодушевлением, – полагаю, в данном случае время на нашей стороне, ведь Бонапарт исходит из ложного предположения, что он займет Москву.

Я произнес эти слова с гордостью, поскольку за ними стояло чувство единения с государем, с отечеством, уверенность в том, что мы разобьем Наполеона и каждый на своем месте сделает все возможное для победы, нужно будет – и жизнь отдаст. Но в следующее мгновение я умолк, пораженный переменой в облике его величества. Глаза Александра Павловича сделались жалостливыми, он смотрел на меня с тоскливою улыбкой, будто завидовал тому, что я не знаю чего-то, что знает он.

– Что-то не так, ваше величество? – встревожился я.

– Нет-нет, – с поспешностью ответил он. – Я слушаю вас, Андрей Васильевич. Расскажите же, откуда у вас сведения об этом шпионе?

– Мы перехватили письмо генерала Роберта Томаса Вилсона, – ответил я.

– Вилсон, вот сукин сын! – с добродушием, как о старом приятеле, сказал государь.

Он улыбнулся, но в глазах оставалась озабоченность. Взглянув на меня испытующим взором, император заговорил жестким и сухим тоном, но именно сейчас я почувствовал особенную доверительность беседы.

– Андрей Васильевич, сейчас я скажу вам то, о чем знают только три человека. Вы станете четвертым. Думаю, излишне упоминать о приватности нашего разговора.

– Безусловно, ваше величество, вы можете положиться на меня, – с поспешностью произнес я, испуганный, что в последнюю секунду государь передумает и не доверится мне.

Император продолжил, его слова оказались страшными:

– Видите ли, Андрей Васильевич, мы обязаны в стратегических планах учитывать и такой вариант, когда Наполеон Бонапарт будет в Москве.

– Но как такое возможно? – сорвалось с моих уст.

– Вопрос сохранения нашей армии, – сказал государь. – Армия Наполеона рано или поздно истощится. А мы обязаны сохранить свою армию. Иначе погнать-то отсюда Наполеона погонят, но уже не мы, не армия, а новый Минин. И тогда начнется смута.

Я застыл. Вот отчего император смотрел на меня с тоскливой улыбкой. Лучше бы он отправил меня в армию и я погиб, так и не узнав того, что знал он, государь.

Он следил за моей реакцией. В холодном блеске его глаз не было ни отчаяния, ни паники, но – скрупулезный расчет и точное знание сил – своих и противника. Голова моя налилась неожиданной тяжестью, закружилась, я пошатнулся, едва устояв на ногах. И какак-то неведомое чувство вдруг подсказало мне, что Наполеон в Москве – это не просто вариант, а наиболее вероятный из вариантов.

Император молчал, наши глаза встретились, и мне показалось, что отныне мы объединены одним знанием, пусть и не высказанным наверняка. Отмахнуться от этого знания я не мог, спрятаться – даже за героической смертью в бою – не смел.

А еще меня прошиб холодный пот из-за личной оплошности. Все, что я наговорил его величеству о предстоящих переговорах с наследным принцем Швеции, требовало серьезных поправок.

– Я вижу, Андрей Васильевич, как вы потрясены, – произнес Александр Павлович. – И ваше потрясение еще одно свидетельство того, что сейчас нельзя говорить об этом вслух. Конечно, Барклай... а теперь Кутузов сделают все возможное, чтобы не допустить Наполеона. Но мы должны быть готовы к худшему.

Я смотрел на императора, не в силах сказать ни слова.

– Андрей, – он вдруг обратился ко мне просто по имени, – я вижу твою растерянность и не хочу, чтобы ты ушел в смятении. Знаю, о чем ты думаешь. Как же можно отдать Москву, древнюю столицу наших предков?!

Александр Павлович замолчал и несколько мгновений сидел неподвижно, погружившись в свои думы. Продольные складки рассекли его широкий лоб. Я решился нарушить паузу:

– Но почему Барклай-де-Толли не даст сражения?

Государь император приподнял ладонь, жестом показав, чтобы я не торопил его, что он сам дойдет и до этого вопроса.

– У Наполеона большая, хорошо организованная, превосходно вооруженная армия, – сказал Александр Павлович. – Но он сделал губительную ошибку, решившись идти войной на Россию. Я говорил и скажу еще раз: он может занять Москву, выиграть в Санкт-Петербурге, но в Нижнем Новгороде, в Казани я непобедим. Понимаешь, в Нижнем Новгороде Наполеон не победит меня! Но собственный народ! Нельзя допустить, чтобы народ утратил веру в своего царя.

Я пытался уловить ход рассуждений Александра Павловича. Он заметил недоумение в моих глазах и вновь показал жестом, чтобы я набрался терпения.

– Если бы мы дали генеральное сражение, мы бы проиграли, – продолжил государь император. – После него отступление превратилось бы в беспорядочное бегство. А воодушевленная победой *La Grande Armee* гнала бы остатки наших войск до самого Петербурга. Если Наполеон займет Москву, оскорбленный русский народ возмутится и с новой силой пойдет бить французов. Если же вслед за Москвой падет Санкт-Петербург, народ разуверится в царе, случится перелом в настроении, французов начнут встречать с хлебом-солью. Этого допустить нельзя!

– Воля ваша, ваше величество, но я не в силах вообразить, чтобы русский человек встречал французских завоевателей с хлебом и солью, – промолвил я.

Александр Павлович рассмеялся. Его смех – совершенно искренний – прозвучал неожиданно, и я растерялся, не понимая, каким образом мои слова развеселили его.

– Вообрази, а Бонапарт именно так и представлял себе войну с Россией. Он думал, что воюет с армией, а в захваченных городах его встретят бургомистры с ключами от города. И пожалуй, после решения идти на Россию войной это его вторая роковая ошибка. Россия – это не Европа, здесь война не с армией, а с народом. Он послал мне письмо из Смоленска – отчаянная мольба: зачем вы сожгли город, почему бежали жители, куда делась местная власть?

– А вы? Что ответили вы? – спросил я.

– Ничего, – государь вернулся на серьезный лад. – Я же запретил вступать в какие-либо переговоры с Наполеоном, и сам буду игнорировать его обращения до тех пор, пока он не окажется за нашими пределами со всем своим сбродом, который он собрал по всей Европе. Барклай сделал так, что Наполеон вынужден на каждом шагу налаживать тыл, управление в населенных пунктах, ему придется растянуть свои силы по всему пройденному маршруту. Мы должны учитывать вариант, что Наполеон дойдет до Москвы. Но в одном мы уверены, если такое случится, то в Москве он и выдохнется. Такова наша стратегия. Ее разработал Барклай-де-Толли еще два года назад. Еще тогда он рассчитал, что в случае войны с Наполеоном придется действовать таким образом. Отступать, избегая генерального сражения, сжигая все на своем пути, вынуждая армию Бонапарта растянуться, рассредоточиться по нашим бескрайним просторам. Барклай мудрейший полководец, лучший военный стратег. Одного не предусмотрел ни он, ни я. Солдаты и офицеры, народ и министры – все восстали против него. К сожалению, долее оставлять его на посту главнокомандующего я не мог. Иначе армия перешла бы в открытое неповиновение. Моя родная сестра Екатерина – и та,.. – император запнулся, но через мгновение продолжил. – Только что состоялся совет. Ты знаешь, пришлось подписать указ о назначении этого прохвоста Кутузова главнокомандующим. Слава победителя достанется ему. Это несправедливо. Несправедливо. Будущую победу выковал не он, а Барклай.

Государь замолчал и некоторое время просто смотрел на меня. Он немного подался вперед, чуть-чуть ссутулившись, и без привычной царской осанки превратился в обычного человека из плоти и крови. И я почувствовал смятение, поскольку он, в сущности такой же человек, как и я, взваливал на свои плечи невообразимый груз. Я же слушал его, а сам переживал за свою личную оплошность.

– Ваше величество, – промолвил я, – позвольте вернуться к первому вопросу. К вопросу о переговорах с кронпринцем Швеции.

– Что-то еще? Еще одна фантастическая идея? – государь улыбнулся.

– Ваше величество, я сказал, что мы перехватили письмо генерала Вилсона о французском агенте, но не передал всего содержания. Я опустил детали, казавшиеся мне несущественными.

– Так может быть, они и впрямь несущественны? – глаза его величества светились добродушием.

– Теперь я так не считаю, – ответил я. – По сообщению генерала Вилсона, Наполеон утверждал, что когда деятельность агента увенчается успехом, Бернадотт окончательно встанет на сторону Франции. Мы не знаем, кто этот агент и какими столь важными сведениями

он обладает? Но если Наполеон прав, то если он войдет в Москву и воспользуется плодами деятельности своего шпиона, Бернадотт может предать нас. И мы получим еще один фронт – на северо-западе в Финляндии. А учитывая переброску наших войск из Великого княжества Финляндского...

Государь поднял руку, жестом прервав меня.

– Значит, Андрей Васильевич, – император перешел на официальный тон, – этого шпиона нужно найти. Найти непременно! И дать понять Бернадотту, что Наполеон попал в ловушку. Вот этим, Андрей Васильевич, вы и займетесь.

– Я?

– Вы. А в Або... в Або мы поедem без вас. Обещайте же, что изловите этого шпиона!

– Я приложу все силы, ваше величество, – ответил я, понимая, что просить о другом назначении сейчас бесполезно.

– Нет-нет, Андрей Васильевич! – порывистым голосом произнес государь. – «Приложу все силы» – этого недостаточно. Обещайте, что поймаete шпиона!

– Слушаюсь, ваше величество, – я поклонился. – Я поймаю этого шпиона.

Александр Павлович вздохнул с удовлетворением, хотя и без облегчения. А меня посетила новая страшная догадка.

– Позвольте спросить, ваше величество?

Государь молча поднял глаза на меня.

– Вы так ярко описали сожженный Смоленск... А Москва?

– Вы обладаете завидной проницательностью, – тяжелым голосом произнес государь и после небольшой паузы сказал. – В случае оставления также будет сожжена.

– Но тут нужны огромные приготовления, – промолвил я, с ужасом в душе понимая, что мы говорим не о какой-нибудь деревушке Ивановке, а о Москве, древней столице, сердце России.

– Приготовления ведутся, – сухим тоном промолвил государь. – В Москве работает Франц Леппих. Немецкий инженер, у него целая команда. Он готовит зажигательные снаряды. Но даже в секретной переписке об этом не говорится ни слова. Мы разработали версию, по которой Леппих строит воздушный шар, чтобы бомбить армию противника с воздуха. Если французским агентам и удастся что-то выведать о Леппихе, так только эту абсурдную идею с воздушным шаром.

– Позвольте еще один вопрос, ваше величество. Вы сказали, что три человека – четыре вместе со мною – знают о том, что существует вариант оставить Москву. Правильно ли я понимаю, что граф Ростопчин входит в это число?

– Нет, – резким тоном прервал меня государь. – Граф Ростопчин как московский генерал-губернатор имеет план действий на случай оставления Москвы. Сожжение города и Франц Леппих являются частью этого плана. Но граф Ростопчин не знает того, что решение об оставлении Москвы обсуждается всерьез. Об этом знаю я, Барклай и Кутузов. И вы, Андрей Васильевич.

Я растерялся, не представляя себе причину, чтобы столь судьбоносные планы строятся без участия московского главнокомандующего. Император заметил мое смятение и с готовностью ждал новых вопросов.

– Ваше величество, осмелюсь спросить, – решился я. – Но как же граф Ростопчин? Московский генерал-губернатор вправе знать. Иначе... как же он будет действовать?!

– Вы правы, – ответил государь, – московский главнокомандующий вправе и даже обязан быть поставлен в известность. Но только, если бы это был кто-то другой, а не Ростопчин. Он... – император сделал паузу, подбирая слова, – он слишком неистов. Он ни за что не оставит Москвы без боя. Но бой у стен древней столицы может погубить армию, а для москвичей превратиться в бойню. Этого нельзя допустить. Но единственный способ с таким человеком,

как граф Ростопчин, это не ставить его в известность. Держать от него в тайне до последней минуты. И потому этот план известен только троим. Иначе – тайны не сберечь. Вы четвертый.

– Благодарю вас за доверие, ваше величество. Моя жизнь в вашем распоряжении.

– И вот что, Андрей Васильевич, подробности о Бернадотте также держите в тайне. Я не хочу, чтобы сведения о шпионе, способном повлиять на решение кронпринца, дошли до Швеции. Пусть ничто не смущает Бернадотта, а то он уж больно чувствителен. Далее. После того, как агент будет пойман, вы получите новое назначение. Такое, какое пожелаете, – пообещал государь. – И кстати, это хорошо, что вы отказались перейти на службу к Вязмитинову. Министерство полиции не приспособлено для ловли шпионов. Здесь нужна хитрость, тонкая работа. Для этого мы учредили обособленную службу – Высшую Военскую полицию, причем свою в каждой из трех армий. Но к сожалению, действительно работает только Высшая полиция Первой Западной армии. Но именно она нам теперь и нужна, штаб ее расположен в Москве. Директором назначен Яков Иванович де Санглен, он подотчетен лично мне, да, и конечно же Барклаю-де-Толли... а теперь Кутузову. Андрей Васильевич, отправляйтесь в Москву. Я хочу, чтобы на время этого задания вы поступили под начало де Санглена. Он хорошо знаком с ситуацией в Москве и там полно его агентов, они будут полезны вам. Я дам Якову Ивановичу необходимые распоряжения и напишу о вас Кутузову. Аракчеев подготовит необходимые письма.

Государь поднялся из-за стола и кивком дал понять, что аудиенция окончена. Он позвонил в колокольчик, и вошел адъютант.

В дверях я оглянулся, Александр Павлович провожал меня грустным взглядом все с тою же тоскливой улыбкой.

– Обождите! – неожиданно велел он и жестом показал адъютанту покинуть кабинет первым.

Я прикрыл дверь и повернулся к его величеству.

– Андрей Васильевич, – сказал государь, – в вашем распоряжении три недели. Вы должны успеть.

Глава 3

На следующий день десятого августа государь император отправился в Або. Несмотря на только что перенесенный удар, в миссии принял участие государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев. Вместе с ними в столицу Финляндии отбыл и английский посол лорд Кэткарт.

Я приказал мосье Каню готовиться к путешествию в Москву. Я намеревался еще до полудня покинуть Санкт-Петербург. Однако отъезд пришлось отложить. Прибыл фельдъегерь с приглашением на обед к императрице-матери Марии Федоровне.

Коротая время перед визитом к ее величеству, я задумался о предстоящем деле. В столь короткий срок без агентуры не справиться, помощь тайных осведомителей де Санглена без сомнения понадобится. Кроме того, в Москве я смогу открыться генерал-губернатору графу Федору Васильевичу Ростопчину. Уж кого-кого, а его решительно невозможно подозревать в симпатиях к французам или в продажности.

Раздался стук, и в дверном проеме появилась крайне взволнованная физиономия мосье Каню.

– Барин, сударь, тут-с человек к вам пришел-с, – сообщил он.

– Какой еще человек?! Я никого не жду.

– Человек-с просил по секрету-с сказать, что он от генерала Вилсона, – понизив голос, промолвил камердинер.

– Что?! – изумился я. – И он еще жив?!

Я схватил пистолет, – оружие теперь я все время держал наготове, – и бросился из кабинета в гостиную.

– Дверь после его прихода я предусмотрительно-с запер-с, – успел сообщить французишка, отпрянув с моего пути.

Я увидел худощавого господина средних лет. Гость был одет в партикулярное платье, однако имел военную выправку.

– Добрый день, ваше превосходительство, – поздоровался он, с изумлением глядя на пистолет.

– Не обращайтесь внимания, я как раз собирался подстрелить муху. Залетела в кабинет, чересчур надоедливая, собака, – объяснил я и спросил. – С кем имею честь?

– Коллежский советник Борис Борисович Демьяненко, прикомандирован к английскому генералу лорду Роберту Томасу Вилсону, – отрекомендовался гость.

– Никакой он не лорд, – хмыкнул я, а про себя подумал: «Прикомандирован! Правильнее сказать – приставлен».

Я не отводил от Демьяненко вопросительного взгляда, побуждая его к дальнейшим объяснениям.

– А мы думали – лорд, – гость вульгарно пожал плечами и сообщил. – Сэр Роберт Вилсон приглашает вас к себе для приватного разговора.

Теперь он смотрел на меня с некоторым вызовом, ожидая ответа. Я медлил. Выражение лица гостя неожиданно смягчилось, он бросил ироничный взгляд на пистолет и добавил:

– Ваше сиятельство, вам ничего не грозит, поверьте.

– Верю-верю, – я рассмеялся. – И в какое время господин Вилсон желал бы встретиться?

– Немедленно, – ответил Борис Борисович. – Я провожу вас.

– Исключено, – возразил я. – В данный момент не обладаю свободным временем. Я должен сделать важные визиты.

– Было бы лучше свидеться с генералом Вилсоном прежде, – многозначительным тоном промолвил гость.

– Извините, – я покачал головой. – Сэру Роберту Вилсону придется обождать до вечера. Уж не знаю, чем вызвано такое нетерпение с его стороны?

– Он англичанин и будет рад увидеть человека, только что прибывшего из Англии, – с нарочитой проникновенностью сказал господин Демьяненко.

– Надеюсь, до вечера он не умрет от ностальгии, – ответил я. – Обещаю надеть дорожное платье – стряхну лондонскую пыль генералу на руки. Более ничего обещать не могу.

– Что ж, – с разочарованием произнес гость, – если иначе не получается...

– Боюсь, что так, – добавил я.

Он кивнул, а я развел руками, показав, что разговор окончен. Демьяненко направился к выходу и уже на пороге промолвил:

– С вашего позволения, я зайду за вами вечером в девятом часу?

– Окажите любезность, – согласился я.

Мосье Каню выпроводил коллежского советника и едва ль не галопом примчался в гостиную.

– Барин, сударь, отчего же-с вы не захотели-с навестить сэра Роберта-с? – воскликнул камердинер.

– Жан, сэр Роберт сейчас в Бухаресте! – сказал я.

– В Бухаресте-с? – переспросил французиска.

– Очень подозрительно! Кто-то приглашает меня, да еще прикрывается именем Вилсона. Тот, кто это делает, знает, что я клюну на эту приманку. Быстро! Подай одежду!

– Куда вы, сударь?

– Нужно проследить за этим Демьяненко! – пояснил я.

На улице я столкнулся с надворным советником Косынкиным.

– Вы уходите? А я к вам, – сообщил он.

Коляска с Демьяненко удалялась по Невскому проспекту.

– Некогда мне, сударь, – бросил я Вячеславу Сергеевичу.

Я вскинул руку, чтобы позвать извозчика, не обратив внимания на черный закрытый экипаж, подъезжавший к дому. А из него вышли два полицейских офицера и подошли ко мне:

– Вы действительный статский советник граф Воленский? – осведомился тучный полковник.

– Простите великодушно, господа, я очень спешу.

– Придется, ваше сиятельство, дела отложить, – непреклонным тоном заявил офицер, – уж не обессудьте, а только нам приказано доставить вас к генерал-губернатору.

– А не мог бы он обождать? – рассердился я.

– Никак невозможно! – оскорбленным голосом заявил полицейский, преграждая мне путь.

Растерянный надворный советник Косынкин наблюдал за нами со стороны.

– Ладно, хорошо, сейчас поедem, – сказал я. – Дайте минуту.

Я взял под локоть надворного советника и скороговоркой сказал:

– Вот что, Вячеслав Сергеевич, видите вон ту коляску, – я указал на удалявшийся экипаж. – Возьмите извозчика и проследите за ним. Этот субъект только что был у меня и назвался посланником генерала Вилсона. Постарайтесь не упустить. Только сделайте незаметно все, а потом приходите.

Косынкин с готовностью кивнул, побежал вперед и на ходу запрыгнул к проезжавшему извозчику.

Я повернулся к полицейским:

– Я к вашим услугам, господа.

Сергей Кузьмич Вязмитинов совмещал должность военного губернатора Санкт-Петербурга с обязанностями управляющего министерством полиции. Он поднялся из-за стола багровый от гнева, глаза его сузились в щелки. Он никак не поприветствовал меня, а злым голосом выкрикнул:

– Что это значит, милостивый государь?! Как вы могли так поступить?! Вы совершили ошибку! О-очень большую ошибку! И видит Бог, вы об этом пожалеете!

– Воля ваша, ваше высокопревосходительство, – ответил я. – Только уж не обессудьте, а я в толк не возьму, чем вызвал ваш гнев?

– Не прикидывайтесь! – еще больше разозлился Сергей Кузьмич. – Вы не так просты, как хотите казаться!

– Да в чем же я провинился, ваше высокопревосходительство? – переспросил я.

– Александр Дмитриевич предлагал вам службу, – процедил он сквозь зубы. – Вы получили бы должность, почет, уважение! Но вы предпочли другое! Вы предпочли каналью Санглена! Вы предпочли тех, кто мелкими интрижками, лестью и потаканием слабости пролезли на теплые местечки и наивно полагают, что надолго задержатся там! Хотите, я вам расскажу, чем вы будете заниматься с Сангленом?!

Я молчал, с трудом сдерживая гнев и уже сожалея, что дал согласие его величеству. Впрочем, государь император не оставил мне выбора. А чиновничьи распри и интриги, в которые оказался вовлечен поневоле, только подстегивали к тому, чтобы побыстрее изловить шпиона и избавиться от необходимости выслушивать подобные речи.

– Молчите?! – прогремел генерал-губернатор. – Так я вам скажу. Вы займетесь тем, что будете искать непотребных девок. Сперва – чтобы подсунуть их в постель императору, а потом – чтобы головы им отвернуть!

– А что ж в Санкт-Петербурге девок более не осталось? – спросил я. – Нужно из Москвы поставлять?

Генерал-губернатор сообразил, что обвинение в сводничестве и впрямь звучит абсурдно. Но мои слова не умалили его гнева.

– Зубоскалить изволите! – возмутился он. – Вот увидите, будете с Сангленом за девками бегать!

Не желая более выслушивать его грязные домыслы, я сказал:

– Простите, ваше высокопревосходительство, не знаю, откуда у вас столь превратное представление о роде моих занятий. Только государь император поручил мне совершенно иное задание, о котором знает только он, государь, и я. И даже Санглена государь приказал не посвящать в суть. А отчего его величество откомандировал меня к Якову Ивановичу, мне неизвестно, только сделано это для отвода глаз и на очень короткий срок.

– Санглен только тем и завоевал доверие его величества, что доставлял ему девок для забавы! – злым голосом бросил генерал-губернатор.

– Государь император приказал мне держать в тайне мое поручение, – повторил я. – Однако же, ваше высокопревосходительство, я уверен, что имею право рассказать о нем вам. Особенно в свете случившегося недоразумения. Я уверен, что государь император не имел в виду распространять и на вас свой запрет.

Генерал-губернатор хранил молчание и смотрел на меня с оттенком презрения, подразумевая, что государь не мог поручить мне ничего важного, достойного внимания его высокопревосходительства. Однако же это была маска, за которой плохо скрывалось любопытство и нетерпение.

– Его величество поручил мне убить Наполеона, – сказал я.

– Убить Наполеона? – изумился генерал-губернатор.

– Да, убить французского императора, – подтвердил я.

Сергей Кузьмич оцепенел и некоторое время молча смотрел на меня.

– Мне приказано собрать в Одинцово небольшой отряд отчаянных голов Разумеется, – продолжил я. – Маловероятно, чтобы Наполеон подошел так близко к Москве, но все-таки его величество учитывает и такой оборот. И если случится невообразимое – Наполеон окажется у стен Москвы, мы должны будем совершить диверсию и убить его.

– В Одинцово? – переспросил генерал-губернатор. – Почему – в Одинцово?

– Не знаю, ваше высокопревосходительство. Там для нас будет постой и снабжение продовольствием.

– Глупость. Но если предположить, что Одинцово может оказаться в тылу его армии, – размышлял вслух Вязмитинов.

– Да, – согласился я. – Вот и мы предстанем, как будто пожелали остаться под господством французов.

– Убить Бонапарта, – задумчиво промолвил Сергей Кузьмич.

– Его величество поручил мне действовать от своего имени, на свой страх и риск, – сказал я. – Если французы захватят меня в плен, не должно быть никаких подтверждений, что я исполнял приказ. Возможно, государь для того и откомандировал меня к Санглену, чтобы в случае провала тень упала на его, малозначимое, ведомство.

– В таком случае не было нужды вас вообще куда-либо прикомандировывать, – возразил генерал-губернатор.

– Но мне же нужен официальный статус, чтобы завербовать агентов, – ответил я. – Одно дело частное лицо. Другое дело чиновник воинской полиции, пусть даже и действующий в частном порядке. Яков Иванович будет думать, что я ловлю шпионов. На самом деле я займусь поиском агентов для своей группы. А если посчастливится, то и поймаю кого-нибудь для Санглена.

Генерал-губернатор прошелся по кабинету, положив правую ладонь на шею. Мои откровения застали его врасплох. Неожиданно он усмехнулся и сказал:

– У Санглена уже есть несколько групп, назначенных убить Наполеона. Так что смотрите, не передеритесь между собой.

Поручение убить корсиканского недомерка я выдумал только что для отвода глаз.

– Мы будем действовать независимо друг от друга. Надеюсь, кому-нибудь повезет довести дело до конца.

– Вот, что я вам скажу, – произнес генерал-губернатор. – Возьмите себе в помощь сотрудника из министерства полиции, я откомандирую надежного человека. Поверьте, на людей Санглена нельзя полагаться! Знаете ли вы, каким образом каналья Санглен стал директором Воинской полиции?

Я, конечно же, знал. Именно ему, Якову Ивановичу де Санглену, тогда еще начальнику канцелярии Министерства полиции, семнадцатого марта сего года государь приказал доставить во дворец графа Сперанского. Император объявил государственному секретарю об отставке. Опала графа Сперанского означала окончательный отказ России от либеральных реформ. Победу одержали ретрограды вроде Аракчеева, Балашова, Вязмитинова и того же де Санглена. И что с того, что они готовы и друг другу перегрызть глотки в борьбе за власть!

Разумеется, Сергей Кузьмич имел собственную версию возвышения де Санглена.

– Он служил в министерстве полиции. Вернее, не служил, а числился. В действительности, он подбирал девок для,.. – здесь Вязмитинов сделал паузу и только глазами указал вверх на портрет его величества. – Потакая слабостям государя, этот низкий человек сумел втереться в доверие и убедить императора, что он способен на большее. Французская разведка через Санглена поставляла в постель к,.. – Вязмитинов вновь воздел очи к портрету, – целые легионы агентов. И теперь Санглен озабочен одним вопросом: переловить этих девок и открутить им головы. Представляете, какой будет скандал, если какая-нибудь из них попадется нам и при-

знается, что служит императору французов. Возьмите с собою полковника Парасейчука Олега Николаевича. Я ручаюсь за этого офицера. А Санглену вовсе не обязательно об этом знать.

– Ваше высокопревосходительство, но мое поручение связано с огромным риском. Вероятность погибнуть намного больше, чем остаться в живых, – возразил я.

– Милостивый государь, идет война, – с пафосом в голосе ответил Вязмитинов. – И потом, я же не сказал, что Парасейчук должен участвовать в покушении на Наполеона.

– Что ж, ну, если вы уверены в этом человеке, – согласился я.

– Когда вы едете в Москву? – спросил Вязмитинов.

– Я бы уже был в пути, но получил приглашение к ее величеству Марии Федоровне. Отправлюсь немедленно после обеда в Павловске.

– На том и порешим, милостивый государь, – важным голосом объявил Сергей Кузьмич. – И смею надеяться, что вам не придет в голову дурачить нас.

– А я надеюсь, ваше высокопревосходительство, что ваши люди не будут хватать меня среди бела дня. Их рвение может пагубно отразиться на выполнении поручения его величества.

Вязмитинов взглянул на меня с неудовольствием и сухим тоном произнес:

– Бог в помощь, Андрей Васильевич.

Дома я застал надворного советника Косынкина за прекраснородушной беседой с господином Демьяненко. Прислуживавший им мосье Каню только скорчил недоуменную гримасу, тем и выразив свое отношение к такому обороту дела.

– А, ваше превосходительство, – обрадовался моему возвращению Вячеслав Сергеевич. – Позвольте представить вам моего давнего друга Бориса Борисовича. Мы только с утра с ним встречали генерала Вилсона...

– Значит, Вилсон, действительно, в Санкт-Петербурге?! – воскликнул я.

– Сегодня утром прибыл, – подтвердил Демьяненко.

– Ох, как он мне нужен! – произнес я. – Но к сожалению, сейчас я должен отправиться на обед к вдовствующей императрице. Однако как только освобожусь, немедленно полечу к генералу. Если он устал с дороги и ляжет спать, я его подниму, так и передайте!

Приглашение к вдовствующей императрице пришлось совершенно некстати. Предстояло потратить три часа на дорогу до Павловска и столько же на обратный путь. Досада одолевала меня при мысли о том, сколько верст я бы успел преодолеть на пути в Москву. Но потраченное время окупилось неожиданным образом. Я прошел в Розовый павильон, и первое, что бросилось в глаза, так это ярко-красный мундир. Английский генерал сэра Роберт Томас Вилсон оказался в числе приглашенных.

– Боб, – шепнул я ему, – ты проныра, везде поспеваешь.

Англичанин едва заметно улыбнулся и сказал:

– У меня для тебя имеется сюрприз.

– Поговорим, как только окончится прием, – промолвил я.

– Андрей Васильевич, как вы добрались до Санкт-Петербурга? – обратилась ко мне Мария Федоровна.

– Совершенно благополучно, – ответил я. – Полагаю, сэру Вилсону было намного сложнее.

Ее величество улыбнулась английскому генералу. Роберт оживился, глаза его загорелись, и он заговорил в захлеб:

– Граф Воленский прав. Представьте себе, только что я участвовал в деле! Я находился при Барклае-де-Толли. Близ Валутинской горы Наполеон едва не отрезал нас от Багратиона.

– Валутинская гора? Это под Смоленском? – спросила императрица.

– Под Смоленском, Лубино, – уточнил Роберт и с жаром продолжил. – Барклай командует. Вдруг мы видим: егеря бегут! Бегут от вражеской пехоты! Я бросился навстречу им, кричу «Куда! Стойте! Назад!» И сам побежал вперед в атаку! Что тут было! Все генералы – в их числе и сам Барклай! – ринулись за мной! Егеря тут, конечно же, развернулись и пошли в атаку! У французов только пятки сверкали!

Я слушал Роберта, а сердце мое зашлось от ревности. Я прозябал в Лондоне, а он, англичанин, сражался с французами за мою родину. Судя по лицам, прочие гости испытывали те же чувства.

В армию, в армию, немедленно в армию, сказал я себе.

Оказавшись одни в курительной комнате, мы с Робертом Вилсоном заключили друг друга в объятия и долго хлопали друг друга по спинам.

– Значит, побили французов, – промолвил я с завистью.

Генерал вскинул руками, изобразив этим жестом разочарование.

– Побили бы, если бы не Fabius Maximus Cunctator⁵? – с досадой произнес он.

– Кто? – переспросил я.

– Фабий-медлитель, – повторил Роберт.

Я промолчал, догадавшись, что речь идет о военном министре Михаиле Богдановиче Барклае-де-Толли.

– Боюсь, раньше, чем истощится Наполеон, не выдержат нервы Багратиона, – сказал Роберт.

– Ничего-ничего. Просто Барклай обещал не начинать без меня, – отшутился я.

– Эх, надо же! Я опоздал! Опоздал на несколько дней, – переживал он.

– Ты хотел застать императора? – спросил я.

Вилсон хлопнул себя по ноге.

– Само собой! И это назначение! Ваш император, слава богу, решился наконец-то сменить Барклая! Но на кого! На кого! – Вилсон вновь всплеснул руками. – Я опоздал на несколько дней! Я бы убедил Александра!

– Убедил в чем? – спросил я.

Я почувствовал ревность. Когда-то военная карьера Вилсона не складывалась, и он обратился в Лондоне в наше посольство к графу Семену Романовичу Воронцову и ко мне с просьбой походатайствовать о приеме его на российскую службу. Тогда-то мы и сошлись накоротке. Роберту казалось, что его обошли с присвоением звания, да и денежное довольствие не устраивало. Английским офицерам, не занятым в боевых действиях, платили только половину жалования.

Граф Семен отговорил амбициозного англичанина, убедив того, что военная карьера на русской службе вряд ли продвинется лучше, да и полное жалование русского офицера меньше половины жалования английского.

С той поры многое изменилось. Боб мало того, что дослужился до генерала, он теперь без тени сомнения говорит о том, что император всероссийский должен прислушиваться и выполнять его, Вилсона, советы.

– Главнокомандующим нужно было назначать не Кутузова, нет, – ответил Роберт. – Кутузов ничем не лучше Барклая-де-Толли.

– А кого же? – я криво ухмыльнулся, вспоминая, с какой неохотой государь согласился с назначением Михаила Илларионовича на пост главнокомандующего.

---

⁵ Fabius Maximus Cunctator – Фабий Максим Кунктатор (Cunctator – лат. Медлитель) римский полководец, 275 – 203 гг. до н. э. В 217 году до н. э. во время 2-ой Пунической войны применял тактику истощения армии Ганнибала, уклоняясь от решительного сражения.

– Беннигсена! – горячо ответил англичанин.

Я поморщился. Беннигсену, принимавшему непосредственное участие в убийстве императора Павла, в последнее время и так было оказано много чести. Но спорить с англичанином я не стал, а перевел разговор на более насущную тему.

– Боб, у меня накопилось к тебе много вопросов, – сказал я.

– Ну, конечно, в Лондоне ты перехватил мое письмо к Silly Billy⁶...

Эти слова он произнес ровным голосом, не выказав ни возмущения, ни восхищения. Я никоим образом не выразил своих чувств, смотрел невозмутимо на Роберта и ждал продолжения. Генерал Вилсон говорил о том, что мы получили копию его письма к герцогу Глостерскому сэру Уильяму Фредерику, по прозвищу «Придурковатый Билли». Загадка заключалась не в том, что он узнал об этом, а в том, что узнал подозрительно быстро. Как эти сведения обогнали меня на пути из Лондона в Санкт-Петербург? Напрашивался ответ, что генерал Вилсон нарочно сделал так, чтобы копия его письма попала в российское посольство.

– В сообщении говорилось о том, – продолжал генерал, – что французский император послал приказ одному из московских агентов прекратить все контакты с другими агентами, продолжить работу в одиночку и дожидаться вступления французской армии в Москву.

Английский генерал умолк, взглядом спрашивая у меня подтверждения. Я улыбнулся уголком рта.

– Не знаю, успел ли ты сообщить об этом министру полиции? – произнес Роберт, покачав головой, словно взвешивал различные ответы на этот вопрос, сказал. – Полагаю, что нет.

– Я рассказал его величеству, и государь поручил мне изловить этого шпиона. Так что пора бы и тебе открыть свой сюрприз, а не пытаться удивить меня шпионскими штучками, – ответил я.

– Сюрприз в том, что со мною в Санкт-Петербург приехал французский агент, от которого я и получил информацию.

– Ты помог французскому шпиону проехать через всю Россию и попасть в столицу? Хороший сюрприз! – возмутился я.

– Что ж тут удивительного? С незапамятных лет разведки разных стран сотрудничают друг с дружкой. Французскому агенту я помог добраться до Санкт-Петербурга. А вашей контрразведке помогу установить наблюдение за ним.

– Боб, ты подстроил так, чтобы к нам попало твое письмо, и отправил гонца встретить меня в Петербурге, будучи уверенным, что примчусь сюда. Но почему ты рассказал об этом агенте мне? – удивился я.

– По той же причине, по которой ты утаил мое донесение от министра полиции, – сказал Роберт.

– Помилуй, да с чего же ты взял, что я склонен обманывать нашу полицию?! – возмутился я.

Мне не понравилось, что своими утверждениями английский резидент вовлекает меня в общую с ним тайну. Несмотря на дружеские отношения.

– Я не сказал «обманывать», – оправдался он. – «Обманывать» и «не договаривать» – это разные вещи. Я намерен доложить о французском агенте непосредственно его величеству.

– Кто же этот шпион? – спросил я.

– Польский шляхтич, – сказал Роберт. – Многие поляки выдают себя за верноподданных вашего государя, но в действительности ненавидят вас и уповают на французов.

---

⁶ Silly Billy – (англ.) придурковатый Билли.

– Да уж, – промолвил я, – когда-то несколько слов, сказанных французской дофиной, покончили с Польшей⁷. А теперь поляки тешатся надеждой, что французы вернут им государственность.

– Шутка истории, – поддакнул Вилсон.

– Итак, ты намерен дожидаться аудиенции у Александра Павловича, – констатировал я.

– Но мне придется скучать, пока ваш император вернется из Або, – сказал генерал.

– А между тем предоставленный самому себе французский шпион ни то, что за пару дней, а и за пару часов наделает много вреда.

– Но сведения о нем, попав в ненадежные руки, причинят еще больше ущерба, – возразил Роберт.

Внутренне я вздрогнул: англичанин почти слово в слово повторил мои мысли.

– Покамест он безопасен, – сказал Вилсон. – Сидит в забубенной гостинице на Невском и боится нос на улицу высунуть.

– Это правильно, – кивнул я. – Потому что твоего первого посланника убили.

– Как убили? – Вилсон напрягся.

– Убийца вошел следом в мою квартиру и ударом ножа прикончил несчастного. Мы даже не поняли, кто это был? Надеюсь, ты назовешь его. И что он должен был передать мне?

– Это был господин Хоречко. Я просил его быть осторожнее, – с досадой промолвил Вилсон. – Мой шляхтич упомянул любопытную вещь. Он сказал, что в разговоре о шпионе шеф французской разведки Михал Сокольницкий обронил такую фразу «Жена Цезаря вне подозрений, а зря». И я попросил Хоречко, отправлявшегося в Санкт-Петербург, передать эти слова тебе...

– Жена Цезаря вне подозрений, а зря, – повторил я. – Выходит, шпион – дама, супруга какого-то высокопоставленного лица!

– Думаю так, – кивнул Роберт. – Нужно навестить моего шляхтича, как только закончится прием.

– Самое лучшее отправить туда немедленно полицеймейстеров, – промолвил я, – но с другой стороны они все испортят. Будем надеяться, что с ним ничего не случится.

Вилсон окинул меня оценивающим взглядом и, думая польстить мне, сказал:

– Ты выглядишь как англичанин. Твой английский стал безупречным. Мы могли бы выдать тебя за англичанина.

– Польский агент уже продан тебе, – возразил я. – Вряд ли он пустится в откровения с каждым встречным англичанином.

– Ладно! Мы выдадим тебя за француза, – продолжил рассуждения Вилсон. – Роялист, бежавший в Лондон от революции. Но сердце твое принадлежит Франции, и ты недоволен нынешним сближением России и Англии. На такой позиции ты легко сойдешься с Гржиновским!

– С Гржиновским?

– Это мой шляхтич, – уточнил Роберт. – Отправимся немедленно, как только закончится прием.

– Да, пожалуй, сыграю-ка я француза, – согласился я. – Для убедительности возьмем с собой моего камердинера. Он настоящий француз.

– Француз?! – возмутился Вилсон. – Но почему ты до сих пор не сослал его куда-нибудь в Сибирь?! Он наверняка шпион!

---

⁷ Длительное время французская дофина Мария-Антуанетта (эрггерцогиня австрийская) игнорировала фаворитку Людовика XV мадам Дюбарри и согласилась сказать ей несколько слов только под сильным давлением ее матери австрийской императрицы Марии-Терезии. В знак благодарности Людовик XV не стал вмешиваться в третий раздел Польши, произведенный Австрией, Пруссией и Россией.

– Wow! Wow!⁸ Holy cow!⁹ – с сарказмом воскликнул я. – Ну, какой из него шпион?! Я его знаю двадцать лет. Разве что за бабами он шпионить горазд!

Роберт с сомнением покачал головой и буркнул:

– Любой француз в России на стороне Наполеона. Впрочем, как знаешь.

---

⁸ Wow! Wow! – (англ.) вау! вау! – возглас изумления.

⁹ Holy cow! – (англ.) дословно – святая корова. Употребляется в значении выражения «ни черта себе!»

Глава 4

Я с нетерпением дождался окончания приема. Мы уже покидали дворец, как вдруг появился граф Уваров.

– Ах, вот вы где! – он обратился ко мне. – Ее величество приглашает вас для приватной беседы.

– Надеюсь, я скоро, – шепнул я Вилсону.

– Прогуляюсь на свежем воздухе, – ответил англичанин.

Я отправился столь скорым шагом, что молодому графу Уварову пришлось едва ли не бежать следом. В большой зале перед самыми дверями в кабинет вдовствующей императрицы он все-таки обогнал меня. Мы прошли через небольшую комнату, и Сергей Семенович отворил двери в кабинет.

– Месье Уваров, это вы? – послышался голос Марии Федоровны.

– Ваше величество, граф Воленский, – сообщил он.

– Проходите сюда, мой друг, – позвала императрица-мать. – Месье Уваров, оставьте нас.

Я обошел ширму и приложился к протянутой руке ее величества. Мария Федоровна сидела вполоборота от письменного стола. Она указала мне на соседнее кресло справа от нее.

Едва слышно закрылась дверь за графом Уваровым. Императрица взяла меня за руку и тихонько всхлипнула, ее глаза наполнились слезами, две глубокие складки разбежались от уголков ее рта.

Эта сцена повторялась как ритуал при каждой нашей встрече после смерти Павла Петровича. Тогда, в 1801 году, когда я вернулся из Лондона, только что овдовевшая императрица со слезами сказала:

– Ах, Андрей Васильевич, Андрей Васильевич, если бы вы были здесь в Петербурге. Вы. Или Аракчеев. Или хотя бы Ростопчин. Павел остался бы жив.

С тех пор каждый раз Мария Федоровна всхлипывала, брала меня за руку и несколько минут мы сидели в скорбном молчании, отдавая дань памяти покойному Павлу Петровичу и сожалея о том, что не оказалось в роковые минуты рядом с ним никого, кто встал бы на защиту своего императора.

Затем ее величество глубоким вздохом прерывала паузу, отпускала мою руку, осушала слезы и приступала к делу.

– Андрей Васильевич, у меня есть к тебе небольшая просьба, но совершенно деликатного свойства, – Мария Федоровна говорила скороговоркой, и я скорее угадывал, чем разбирал слова.

– Ваше величество, я сделаю все возможное и невозможное, – обещал я.

– Речь идет о принце Ольденбургском, – сказала Мария Федоровна.

– Георг? – непроизвольно уточнил я.

– Да, супруг Катеньки, – подтвердила императрица. – До меня дошли неприятные слухи...

Она замялась, словно речь шла о досадных пустяках, и недостойных внимания, и одновременно вынуждающих ее принимать меры.

– В последнее время он проводит много времени с какою-то девицей, – брезгливым тоном продолжила Мария Федоровна.

Я скинул брови, выражая осуждение, хотя и ничуть не удивился. В бытность свою великой княжной и сама Мария Федоровна проявляла столь заметный интерес к графу Румянцеву, что государыня Екатерина Алексеевна от греха подальше спровадила Николая Петровича посланником во Франкфурт-на-Майне. Так, казалось бы, с бесперспективной должности началась карьера государственного канцлера.

– Если бы он проводил с нею тайные, непродолжительные свидания, это было бы... – императрица замешкалась, подбирая слова, – не так возмутительно. Но она разъезжает с ним в карете по губерниям, это видят... Рано или поздно донесут Катеньке. Она так ранима, это убьет ее.

Убить, конечно, не убьет, подумал я, у великой княжны Екатерины Павловны сильный характер, но скандал в августейшем семействе случится большой. Я кивал головой в такт словам императрицы, пока не понимая, в чем заключается ее просьба.

– Саша рассказал мне, – промолвила Мария Федоровна, – что ты теперь прикомандирован к полиции. Ты бы мог задержать эту фройляйн и выслать куда-нибудь вглубь России. В Нижний Новгород. Или куда-то подальше. Сейчас многих неблагонадежных персон высылают. Это пойдет на пользу. Потом она благополучно вернется, но к этому времени страсти утихнут, принц образумится. К этому времени я и сама успею с ним переговорить.

– Ваше величество, я сделаю все, что в моих силах, – промолвил я, довольный тем, что мне не поручили пырнуть пассию принца ножом. – Но я направляюсь по неотложному делу в Москву, а их высочества, насколько мне известно, теперь пребывают в Ярославле.

Вероятно, Мария Федоровна заметила перемену в моем лице и поспешила объясниться.

– Андрей Васильевич, милый мой друг, я понимаю, просьба моя выглядит недостойной, и я бы не обратилась за помощью по такому случаю, если бы не одно обстоятельство. Катенька на сносях. Со дня на день должна разродиться. И если в такое время до нее дойдут слухи, бог весть, как она переживет.

– Я прекрасно понимаю, ваше величество, и сделаю все, что в моих силах, – в третий раз обещал я.

– Ты поедешь через Тверь. Возможно, ты застанешь их там, Георг часто навещает в Тверь с инспекциями. И потом, ты можешь отправить надежных людей, – подсказала императрица.

– Не волнуйтесь, ваше величество, мы все уладим, все уладим...

– Ты поедешь в Москву, – Мария Федоровна неожиданно перевела разговор на другую тему, – увидишь графа Ростопчина. Он молодец, такой молодец! Но совершенно потерял голову! Ему всюду мерещатся заговоры, шпионы! Он вцепился мертвой хваткой в какого-то купеческого сынишку по имени Верещагин, требует самого сурового наказания! Андрей Васильевич, ты уж там разберись с ним. В Петербурге все уверены, что дело пустяковое! Молодой человек просто попался Ростопчину под горячую руку.

– Непременно, ваше величество, непременно.

Генерал Вилсон прогуливался в парке, заложив руки за спину.

– Моцион пошел на пользу. Я вполне готов к новому обеду, как раз получил приглашение от ее величества Елизаветы Алексеевны, – с гордостью сообщил он.

– В путь! В путь! – с нетерпением воскликнул я.

Из Павловска мы заехали за моим камердинером. По дороге я вкратце объяснил Жану, что предстоит разыграть двоих роялистов, сбежавших от революции в Англию, а теперь приветствующих возрождение монархии во Франции, пусть и в лице Наполеона.

– Смотри! Не вздумай назвать меня барином! – напутствовал я мосье Каню. – Обращайся ко мне запросто – Андрэ и все. Для поляка я буду мосье Андрэ де Воланс.

Гостиница представляла собою две большие избы. Мы вошли в сени, соединявшие эти избы, Вилсон повернул на правую половину, и мы оказались в общем зале. Трактирщик с салынными волосами поднял на нас полусонные глаза с надеждой, что мы сей момент растворимся в воздухе и ему не придется прерывать сон.

– Не тревожьтесь. Мы идем к господину Гржиновскому, – успокоил его Вилсон.

И не останавливаясь, мы направились к лестнице. Трактирщик ленивым взмахом руки послал за нами подростка, а сам вновь погрузился в дремоту. На втором этаже я забрал у полового фонарь, Роберт сунул ему монетку, а я сказал:

– Ступай себе. Мы сами знаем номер.

Мальчишка поднял на нас глаза, имея намерение отблагодарить нас, но тут дремотная скука и на него накатила, и с потухшим взглядом он потащился вниз.

На небольшом пятачке оказалось четыре двери. Вилсон постучал в крайнюю по левой стороне. Прошло несколько секунд, но никто не ответил.

– Спит, – произнес Роберт и постучал сильнее.

И вновь мы напрасно прождали целую минуту. Нехорошее предчувствие охватило меня. Вилсон поднял руку, чтобы постучать в третий раз. Но я опередил его, попросту толкнув дверь. Она отворилась.

– Жан, постой здесь, – велел я мосье Каню.

Я поднял фонарь, и мы с Робертом вошли внутрь.

В скромной комнатенке слева находился платяной шкаф и железный рукомоийник. Справа – узкая кровать. Прямо напротив входа блестел сумеречной синевой прямоугольник окна, выходявшего на Невский. Перед окном стоял стол. За столом, уткнувшись лбом в столешницу, сидел постоялец. Из-под его левой лопатки торчала рукоятка ножа.

– Приятный сюрприз! Ничего не скажешь, – промолвил я.

– Скорее! Уходим отсюда! – Вилсон схватил меня за руку.

– Не спеши, – остановил я его. – Пан Гржиновский уже не опасен.

– Я не хочу, чтобы меня застали здесь, – сказал Роберт.

Я осветил пол и нащупал засохшую кровь.

– Бежать за убийцей поздно, – промолвил я. – Он уже далеко отсюда. Похоже, тот же злодей, что и проник в мой дом.

Я приоткрыл дверь, выдал мосье Каню деньги и приказал:

– Жан, ступай вниз и потребуй самого лучшего вина. Оставь хозяину на чай половину стоимости бутылки. Не вздумай прикарманить эти деньги, я проверю!

– Андре! За кого ты меня принимаешь?! – возмутился французишка.

Я хотел было огорчить его тем, что игра в друзей отменяется, но вовремя остановился. Пусть покочевряжится, изображая роялиста. В свете задуманного мною, это пойдет на пользу.

– Жан, только смотри, чтобы половой не поднимался сюда! Трактирщик непременно пошлет мальчишку в услужение! Ты должен отделаться от него. Дашь ему денег на лестнице, чтобы только отстал. Понял?

– Понял, – ответил Жан и обиженным шепотом спросил. – Сударь, а может, все-таки возьмем гарсона? Пусть он прислуживает за столом. А то как-то странно получается.

– Какой тебе гарсон?! – возмутился я. – Делай, как я велел. Ты принесешь вино, а я разолью его по бокалам. С удовольствием поухаживаю и за Робертом, и за тобой.

Французишка отправился вниз, а я вернулся в номер. Вилсон с нетерпением смотрел на меня.

– Я думаю, твои предосторожности излишни, – промолвил он.

– Какие предосторожности?

– Ты послал слугу на разведку, – сказал Роберт.

– Я послал его за вином! – ответил я.

– За вином? Что за идея? – удивился англичанин.

– Потом объясню! – прекратил я расспросы. – Извини, но я вынужден попросить тебя нести караул. Приоткрой дверь и следи за коридором, а я обыщу пана Гржиновского. И кстати, это точно он, пан Гржиновский?

– Конечно, он. Кто же еще?

– Тебе лучше знать! Это же ты проехал с ним через всю Россию, – бросил я.

– Нужно поскорее уйти. Что за странная идея – послать слугу за вином. Теперь трактирщик запомнит нас, – проворчал Вилсон.

– Тебя трудно не запомнить, – сказал я.

Роберт окинул взглядом свой ярко-красный мундир, с неудовольствием пожевал губы и промолвил:

– Я намерен доложить обо всем его величеству Александру, но совершенно не горю желанием объясняться с вашей полицией.

– Вот я и стараюсь сделать так, чтобы запомнили не нас, а мосье Каню, – ободрил я Вилсона.

– Его найдут, а он укажет на нас.

– Не найдут, это моя забота, – сказал я.

Во время нашего разговора генерал через приоткрытую дверь следил за коридором. А я, откинув покойного на спинку стула, исследовал его карманы. Сюртук пана Гржиновского топорщился так, что не оставалось сомнений: его обыскали до нас. Серебряные часы на цепочке свисали между колен. Вероятно, по незнанию убийца упустил из виду потайной карман. В нем я обнаружил сложенный вчетверо лист и незаметно для англичанина переложил бумагу к себе.

– Ничего нет, – буркнул я. – Все карманы вывернуты, кто-то обчистил его.

– Не думаю, что это был простой грабитель, – промолвил англичанин.

– Конечно, нет. Грабитель забрал бы часы. А часы у Гржиновского на месте.

Я потянул за цепочку и переместил луковицу часов на колени убитого.

– Сюда идет твой слуга, – сообщил генерал.

Я подошел к выходу, Вилсон посторонился, и я выглянул в щелку. Жан Каню был один.

Когда он приблизился, я приоткрыл дверь и протянул руку за бутылкой.

– Давай вино. Молодчина, Жан. Стой тут. Если кто появится, постучи в дверь, – приказал я.

– Сударь, вы обещали налить мне вина! – прошептал мосье Каню.

– Blimey!¹⁰ Жан! I did not know you are such a rat!¹¹ Десять минут побыл роялистом, а уже стал невыносимым! Неудивительно, что французы казнили вас связками!

Я закрыл дверь перед его носом.

Роберт с брезгливым выражением рассматривал мертвеца.

– Что-нибудь обнаружил? – спросил я.

– Я пытаюсь разглядеть, сколько показывают его часы, – сказал Вилсон. – Хочу понять время смерти.

– А что, изобрели механизм, который прекращает ход со смертью владельца? – хмыкнул я.

– Часы могли разбиться, если Гржиновский сопротивлялся, – промолвил Роберт.

– Он не сопротивлялся, – сказал я. – Его убил кто-то, хорошо ему известный. Возможно, это был связник, который получил нужные сведения и оборвал связь. Так что ты помог и французскому шпиону, и нашей контрразведке. Теперь за паном Гржиновским можно следить сколько угодно, он никуда не убежит.

– Не злорадствуй, – вздохнул Вилсон. – Я с ним пол-Росси проехал. А теперь вот над трупом стою. Эх, хотелось как лучше.

---

¹⁰ Blimey! – (англ.) восклицание, типа «тьфу, черт!» или «черт побери!»

¹¹ I did not know you are such a rat! – (англ.) Я не знал, что ты такая крыса! Выражение, которое английский джентльмен непременно с невозмутимым видом мог сказать в адрес слуге, уличенному во лжи. Граф Воленский, как мы видим, за годы, проведенные в Лондоне, набрался английских выражений, но не манер.

Не спрашивая моего мнения, он покинул номер и направился к лестнице. Я вышел следом, вытолкнул попутно любопытного мосье Каню, сунул французишке пару целковых и приказал:

– Жан! Бегом к трактирщику! Скажи, что это лучшая гостиница, еще чего-нибудь наплети, пока вы выйдем!

– Э-э, сударь...

– Поторопись, говорю! Иди вперед сэра Роберта! А мы тебя на улице подождем!

Я подтолкнул мосье Каню, и он поспешил вперед, обогнал Вилсона и ринулся вниз по лестнице. Когда мы спустились, трактирщик бил поклоны французишке, а тот высокомерно трепал хозяина по плечу.

Мы вышли из гостиницы и остановились у кареты. Роберт забрался внутрь и, высунув голову, с беспокойством оглядывался по сторонам. Я хотел было сказать, чтоб он ехал, не дожидаясь мосье Каню. Но тут Жан вышел на улицу, кивнул на вторую избу и с глумливой улыбочкой воскликнул:

– Друзья, а тут, оказывается, квартируется прелестная особа, мадемуазель Мими. Хозяин очень рекомендует-с...

– Непременно навестим ее в следующий раз, – сказал я, вталкивая французишку в карету.

Сам Вилсон остановился в Демутовом трактире. Я вышел из экипажа вместе с ним и спросил:

– Боб, ты упомянул, что просил Хоречко быть поосторожнее.

– Да, – кивнул он. – Несколько агентов убили у нас под носом, они даже отъехать далеко не успевали, а всех их я отправлял в Москву передать де Санглену эту фразу – про жену Цезаря. Вот я и сделал так, чтобы донесение попало в твои руки.

– Решил, что до Лондона убийцы не доберутся, – кивнул я. – Что ж, при первой возможности обо всем доложим государю императору. See you later, alligator...

– ...or a wild crocodile¹², – закончил Роберт.

---

¹² See you later, alligator or a wild crocodile – (англ.) увидимся позднее, аллигатор или дикий крокодил. Соответствует нашему выражению «чао-какао! какао-чао!»

Глава 5

Едва мы отъехали, я достал бумагу, обнаруженную у убитого пана Гржиновского. Это оказались «Санкт-Петербургские ведомости» за 15 июня сего года. Обычная газета, ничего примечательного в ней я не обнаружил, ни пометок, ни записей. Разве что внимание привлекло объявление о том, что некий господин Христиан Венстер приглашает почтенную публику посмотреть опыт с его гидростатической машиной, которая держит человека в воде так, что утонуть он не может.

«Но для чего-то же таскал шляхтич эту газету, да еще и в потайном кармане? И как она попала к нему? Газета ведь старая, июньская! Август стоит, а он вчера только прибыл. А может, она служит опознавательным знаком?»

Я еще раз пробежал ее глазами и вновь не обнаружил ничего подозрительного. Ну, конечно же, объявление об опытах с гидростатическими машинами не в каждом выпуске печатают.

– Что еще за Венстер? – буркнул я.

Голос мой прозвучал добродушно, и мосье Каню решил воспользоваться моментом в своих интересах.

– Сударь, вы не могли бы-с отпустить меня нынче-с вечером-с? – попросил он.

– Хочешь вернуться в гостиницу, проведать мадемуазель Мими? – догадался я.

– Трактирщик-с сказал, что другой такой ни в Петербурге-с, ни в Москве-с не сыщешь, – с чувством промолвил французишка.

– Жан, тебе скоро пятьдесят лет, а ты бегаешь за каждой юбкой!

– Так вы отпустите меня-с? – взмолился каналья.

– Думаю, ты сам не захочешь, – буркнул я.

Дома я спрятал газету и велел мосье Каню приготовить мыльную пену и бритву.

– Вы будете-с бриться? – удивился французишка. – Лучше-с пойти к цирюльнику-с...

– Я буду не бриться, а брить, – ответил я. – Я обещал налить тебе вина, но не сдержал слова. Вот и решил побрить тебя. В качестве компенсации.

Жан, скривив недоверчивую физиономию, приготовил мыльную пену, полотенце и бритву. Я усадил его перед зеркалом и обмотал простыней. Он настороженно вертел головой с бакенбардами и пышными усами.

– Сударь, что вы задумали-с? – волновался мосье Каню.

– Ты же собрался сделать визит к мадемуазель Мими, – сказал я, работая помазком. – Так должен выглядеть как приличный человек, а не сатир.

Я взял бритву и твердым движением удалил бакенбарды с правой щеки.

– Что вы делаете, сударь, барин вы мой?! – взвыл каналья.

– Черт подери, Жан! Не дергайся, а то без ушей оставлю!

Мосье Каню сдался и с кислой физиономией наблюдал, как я разделался с его бакенбардами и усами. Я не слишком старался и, оставив бритву, велел Жану самому подчистить оставшиеся кустики.

– И что на вас нашло, сударь? Что за прихоть такая-с?!

– Ты должен непременно сменить платье, – сказал я. – Вот куда твое «р» грассирующее деть, ума не приложу. Самое лучшее, чтобы ты в ближайшее время держал язык за зубами.

– Да что-с стряслось, сударь? – едва ли не плакал Жан.

Он привстал со стула и, вытянувшись к зеркалу, подчищал бритвою подбородок.

– Этот пан Гржиновский, – промолвил я. – Он сидит там, в гостинице, с ножом под лопаткой.

– Как? – безразличным тоном переспросил французишка.

- С ножом под лопаткой, – повторил я.
- Смысл сказанного дошел до Жана. Он плюхнулся на стул и воскликнул:
- Как?! Вы убили-с его?!
- Тише! Тише! – возмутился я. – Кто его убил, еще не придумали. Но тебя там очень хорошо запомнили.
- А-а... э-э,.. – протянул мосье Каню.
- Сам виноват, нечего было чаевыми разбрасываться! И это твое картавое «р»! – объяснил я.
- Эх, сударь, я столько лет вам служу-с! А вы?! Вечно вы надо мною шутить изволите-с! – завел старую шарманку Жан.
- Я развел руками, похлопал его по плечу и сказал:
- Зато я тебя не держу. Можешь ехать к мадемуазель Мими.
- Благодарствуйте, сударь. Что-то-с не хочется, – пробурчал Жан.
- Нет уж, братец, поедешь, – ответил я.

На следующее утро я нанял крытую коляску и велел мосье Каню править лошаадьми вместо кучера. Он по обыкновению вытянул губы трубочкой и повел ими вправо, словно рассчитывал ущипнуть себя за правый ус. А как теперь он остался без усов, так вследствие своей ужимки каналья сделался похожим на криворылого селезня. Я рассмеялся, а Жан отправился исполнять приказ.

– Поезжай ко вчерашнему трактиру, – велел я. – Остановишься, чуть-чуть не доезжая до парадного.

- Барин, сударь вы мой, – взмолился французишка. – Что если нас опознает-с кто-нибудь?
- Не нас, а тебя, – ухмыльнулся я. – Отправят в околоток.

Коляска остановилась, и я принялся наблюдать за входом в гостиницу. Французишка ерзал на козлах, наверное, в каждом встречном мнился ему разоблачитель. Время от времени кто-то входил и выходил, ничего примечательного в этих людях не было, и я не знал, увенчается ли моя затея успехом, да и плана продуманного не имел. Всматриваясь в очередное лицо, я гадал, кто он, обладатель физиономии – постоялец гостиницы или гость мадемуазель Мими?

Мимо проезжали открытые коляски, доносился девичий смех, блестели озорные взгляды. Барышни в легких, летних одеждах вдохновенно флиртовали со столичными повесами. Я любовался и думал: а если сказать кому-нибудь из них, что именно в эти минуты здесь в двух шагах от них разыгрывается драма и эта драма непременно отзовется на их судьбах? Вот и вчера кто-то проходил мимо, смеялся, барышням любезности говорил в тот самый момент, когда убийца всаживал нож под лопатку Гржиновскому. Генерал Вилсон задумал установить наблюдение за французским агентом, но, видимо, просчитался. Связник шпиона оказался хитрее и жестче, получил нужные сведения и оборвал нить.

К гостинице подъехала карета. Дородный господин спустился на землю и прошел в сени. Через минуту появился заспанный отрок, тот самый, что накануне обслуживал нас. Он распахнул дверь, ногою заткнул под нее кирпич и взялся перетаскивать багаж из кареты. Управившись с чемоданами, мальчишка отправился вверх по улице по своей какой-то надобности.

- Извозчик, ну-ка догони его, – велел я Жану. – Заберем мальчишку и сделаем круг!

Мосье Каню тронул вожжи, коляска покатила, и мы поравнялись с плетущимся отроком. Я приоткрыл дверцу, схватил подростка за ухо и втащил в коляску.

- А-а! – взвыл он.
- Тихо сиди! – шикнул я, пихнув пленника на сиденье напротив себя.
- Вы?! Вы?! Это вы?! – воскликнул он, потирая ухо, и вдруг заверещал. – Тятенька!

Отпустите меня!

- Тихо! – повысил я голос и придавил мальчишку шпагой в ножнах.

Он округлившимися глазами посмотрел на меня, затем на ножны и притих.

– Так-то лучше, – произнес я. – Ну и что ты раскричался: вы?! вы?!

– Это же вы! Вы были у поляка-то, – страшным шепотом выдавил мальчишка и перекрестился.

– Что ты несешь?! – с угрозой в голосе спросил я. – Мы были у мадемуазель Мими...

– У мадемуазель? – переспросил подросток, глядя на меня с недоверием. – Так она же на другой половине квартируется! И у нее был господин Захарьин...

– Замолкни! – велел я. – Отвечай на вопросы. Если расскажешь все без утайки, я тебя отпущу! Будешь врать, отправлю на дыбу! В Преображенский приказ! Понял?

Мальчишка закивал с рабской поспешностью, и я опустил шпагу.

– Что за поляк? Что ты знаешь о нем? – спросил я.

– Шляхтич, пан Гржиновский, – сказал отрок. – Убили его!

– Кто приходил к нему? Запомнил? – я повысил голос.

– Никто, – парнишка задрожал. – Вот только...

Он умолк, вытаращив на меня испуганные глаза.

– Мы? – закончил я.

Он кивнул и всхлипнул.

– А до нас?

Мальчишка отрицательно помотал головой.

– Вот только господин, что был с вами, – проямлил отрок.

– Какой господин? – спросил я.

– В красном сюртуке. Англичанин, – пояснил мальчишка. – Он был вместе с паном Гржиновским, когда пан только-только прибыл...

Вилсон! Тоже мне конспиратор! А как переживал, как переживал: нужно уходить! немедленно! иначе нас запомнят и опознают! А сам присутствовал еще при заселении шляхтича в гостиницу.

И тут меня осенило! Французского агента убили по приказу генерала Вилсона. Англичанин получил все, необходимые ему, сведения, взамен помог Наполеоновскому шпиону выполнить свою миссию, попутно создал впечатление, что искренним образом намеревался передать наблюдение за лазутчиком российским властям, а сам расправился с использованным агентом и меня использовал для обеспечения собственного алиби. Хитер! Ничего не скажешь!

Коляска сделала круг, и я выпустил мальчишку на том же месте, где и подхватил. Оказавшись на воле, он обиженно зыркнул на меня, шмыгнул носом и поплелся дальше по своей надобности.

А я подумал, что с Вилсоном мог и ошибиться. Когда мы застали шляхтича с ножом в спине, уж больно неподдельной была паника англичанина.

Я выглянул в окно. Фигурка гостиничного служки маячила в конце квартала.

– Извозчик, ну-ка догони его еще раз! Сделаем второй круг! – приказал я.

И вновь, едва коляска поравнялась с мальчишкой, я схватил его за ухо и втащил внутрь.

– А-а! – завопил он истошным голосом.

Пришлось не только придавить его шпагой, а еще и по губам дать – чтоб замолчал.

– На дыбу тебя, на дыбу, – пообещал я.

– Ваше высокопревосходительство... ваше сия-ательство, – запричитал он. – Я же все... все... как на духу...

– На духу – не на дыбе!

– Все! Все расскажу, – уверял меня мальчишка.

– Что же поляк твой, так и просидел безвылазно в номере, пока его не зарезали? – спросил я.

– Как же-с?! Выходил, обедать выходил, в общей зале кушать изволил...

- С кем он обедал? Говорил о чем? – напирал я с вопросами.
- Один был, один. Ни с кем не говорил... За обед заплатил...

Последние слова мальчишка произнес с некоторым неудовольствием, словно за покойным должок остался.

- А что, за что-то не заплатил? – удивился я. – Вы же, шельмы, за постой вперед берете!
- За постой, – кивнул он. – А за вино не заплатили!
- Какое вино?

– То вино, что заказывали, когда вы изволили мадемуазель Мими навестить, – парнишка неожиданно осмелел, в голосе появилась заносчивость. – Хранцуз, что с вами был, самую дорогую бутылку взял. Платим, сказал, в двойном размере, только, говорит, на номер запишите...

- Вот как, – удивился я.

– Только номер-то хранцуз указал не мадемуазель, а шляхтича, – обиженным голосом закончил мальчишка.

- Да с чего ты решил, что он француз? – воскликнул я.

- Хранцуз, хранцуз, – стоял на своем отрок.

- Ладно! – я повысил голос, и мальчишка вдавил голову в плечи. – Француз, так француз.

Он прохвост, но безобидный. Давай-ка к шляхтичу вернемся. Так что же он, молчал весь обед?

– Так только парой фраз обмолвился, да хозяин наш Пантелей Федорович намекнул ему, чтоб помалкивал, – рассказал мальчишка.

- Чем же он хозяину не угодил? – спросил я.

- Так он изъяснялся в том смысле, что с Наполеоном договор нужен...

- Какой договор? – сорвалось с моих уст.

- Договор, чтоб не идти более войной друг на дружку, – продолжил мальчишка.

– Так ты ж только что сказал, что шляхтич один обедал! С кем же он разговаривал? – повысил я голос.

– Истинный крест! – мальчишка перекрестился. – Один он был, один. И ни с кем не разговаривал.

Я вдохнул и неспеша выдохнул, едва сдержавшись, чтобы не двинуть отроку по зубам.

– Да ты, я вижу, и впрямь на дыбу хочешь, – процедил я. – Что ж ты мне, шельмец, голову морочишь?! Так говорил он или не говорил?! А если говорил, так с кем?

– Ваше высоко... Ваше сиятельство,.. – перепугался мальчишка. – Ни с кем он не говорил! Он один сидел, и так, знаете, люди вокруг говорят, так и он нет-нет да что-нибудь скажет...

– Ты хочешь сказать, что люди попросту языками чесали, так и он языком молот? – удивился я.

– Вот-вот, – отрок несколько раз кивнул. – Вот хозяин и сказал ему, чтоб помалкивал, а то ж, неровен час, мордобитие случится.

– Ну, хорошо, – протянул я, про себя подумав, что Вилсон уж очень странного шпиона в Санкт-Петербург приволок.

- Ваше сиятельство, отпусти-и-ите меня, – запричитал отрок.

- А поручений шляхтич никаких не давал? – спросил я.

- Как же-с! Бумагу я по его поручению в кирху носил, – выдал отрок.

– Какую бумагу?! – едва не взревел я. – Что ж это из тебя клещами все вытягивать нужно?!

- Шляхтич просил бумагу в кирху...

- В какую кирху?! Дорогу помнишь?

Я с трудом усидел на месте. Сердце рвалось из груди, в то же время и досадовал я на себя, что сразу не догадался правильный вопрос мальчишке задать. А отрок оказался сообразительным малым, хотя и имел заспанный вид.

– Так на Невском которая, от Екатерининского канала¹³ близехонько...

– Собор Святой Екатерины! – догадался я и крикнул Жану. – Слышал? Давай! Дуй туда!

– Бумагу велено было господину Билло передать, – сообщил мальчишка. – К самому-то Билло не пустили меня, так я бумагу секретарю его отдал.

Через несколько минут коляска повернула на площадку перед собором. Мы поднялись по лестнице и оказались в храме. Он был не таким большим, каким казался снаружи. Храм имел лишь один, центральный, неф, а по сторонам – лишь небольшие углубления, придававшие помещению форму креста.

– Вон он, вон, – мальчишка потянул меня за рукав.

– Кто?

– Секретарь.

Он указал на сухопарого паписта в черной сутане с белым воротничком и библией в руках. Я огляделся и заметил в углублении слева конфессионал, исповедальню по-русски.

---

¹³ Екатерининский канал – в настоящее время канал Грибоедова.

– Сядь туда, в деревянную кабинку, занавеску задерни и сиди тихо, – приказал я мальчишке.

Сам же я подошел к секретарю и взял его под локоть.

– Ну-ка, Игнатий Лойола¹⁴, пройдемте на исповедь!

Я повел его к исповедальне.

– Обождите, так нельзя, – промямлил он.

Но я уже затолкнул его на свободную половинку, двинул ему кулаком в нос и схватил правой рукой за горло, чтоб не кричал. Сам я втиснулся внутрь и левой рукой занавесил проем. Священник ловил воздух, нюшка стекала из носа в его разинутый рот.

– Слушай меня! – прошипел я. – Сей момент сверну твою цыплячью шею, если не ответишь. Называй имена. Какие есть корреспонденты у господина Билло в Москве? С кем он состоит в переписке?

Я ослабил хватку и священник просипел:

– Сюрюг, Сюрюг, мосье Адриан Сюрюг... Больше никого...

– Что за Сюрюг? Кто он такой?

– Настоятель храма Святого Людовика, – пояснил папист.

– Все?! – прошипел я с угрозой в голосе и на мгновение усилил хватку.

– Никому больше в Москву мы не пишем, – прошелестел секретарь. – А что происходит?

Кто вы?

– Ладно, живой труп¹⁵, никто не должен знать о нашем разговоре. Тебя немного помучает мигрень. Как напоминание о тайне исповеди.

Я заставил его наклониться и ударил по голове так, чтобы он на несколько минут лишился чувств. Он обмяк, я подхватил его подмышки, опустил на скамейку, а сам выскользнул наружу и поплотнее завесил шторы.

Подняв голову, я встретился взглядом с мраморным ангелом. Он сидел на полукруглом выступе, свесив вниз изящную ножку, и левой рукой указывал на конфессионал, а правой куда-то в небо, отчего казалось, что он как бы разводит руками в недоумении.

– Исповедоваться нужно перед аналоем, а не шушукаться по закуткам, – буркнул я и скормандовал мальчишке. – Идем отсюда!

На улице я выдал отроку целковый.

– Ступай себе, – сказал я. – Никому ни слова! Иначе окажешься и вправду на дыбе, глазом моргнуть не успеешь.

Мальчишка зажал в кулаке монету и пустился наутек. А я приказал французишке возвращаться.

Дома я отвесил Жану подзатыльник.

– Сударь! Что же это вы делаете-с?! – вскрикнул он.

– Полно тебе, Жан. Это сдача тебе. Из гостиницы передали. Уж больно ты чаевые щедрые оставил! Так что в двойном размере, – и я еще раз треснул ему по затылку.

Он соорудил жалостливую физиономию, но я показал ему кулак и сказал:

– Молчи, а то еще получишь! Неси письменный прибор. Я должен срочное письмо отправить Ростопчину.

Мосье Каню шмыгнул носом и отправился за бумагой, пером и чернилами.

– И собирайся! – приказал я. – Отправишься в Москву немедленно. Вещи, что мы из Лондона возем для Жаклин и детишек, с собою возьмешь.

Я написал письмо московскому генерал-губернатору графу Федору Васильевичу Ростопчину. В письме указал, что, по моим сведениям, в Первопрестольной некто аббат Сюрюг занимается шпионской деятельностью и является крайне важным для Наполеона агентом. Я запечатал послание и вручил Жану.

---

¹⁴ Игнатий Лойола – основатель Иезуитского ордена.

¹⁵ Живой труп – В своем труде «Духовные упражнения» Игнатий Лойола призывал членов Иезуитского ордена превратиться в «живой труп», готовый на все ради достижения целей Ордена.

– Передашь лично в руки фельдмаршалу Федору Васильевичу Ростопчину, – наказал я.
– Кто же меня пустит-с к нему, сударь? – усомнился мосье Каню.
– Попросишь доложить, что прибыл по моему поручению, и граф Ростопчин непременно примет тебя. Не забывай, когда-то он возглавлял Коллегию иностранных дел, и я служил под его началом, – сказал я.

– Барин, а до утра-с нельзя ли обождать? – заскулил французиска.
– Можно, – ухмыльнулся я. – Как раз полицеймейстеры прочухаются и явятся за тобой.
– Вы думаете-с...
– Хочешь проверить? – перебил я. – Давай, Жан, не глупи. Отправляйся немедленно. Жаклин и дети обрадуются тебе. Поклон им скажешь. И я со дня на день приеду.

Он уехал, и я пожалел, что не попросил перед отъездом сварить мне кофия. У самого у меня получился безобразный напиток. Каким бы мосье Каню ни был канальей, а ради кофия приходилось и такого терпеть. Эх, Жан, what a dog¹⁶!

Я выплеснул мутное пойло в поганое ведро и отправился в кофейню. На улице встретил дворника и попросил, чтобы он послал ко мне свою жену – прибрать в квартире, раз уж я остался без камердинера.

Когда я вернулся домой, открыла мне какая-то баба, я и не припомнил тотчас, откуда она взялась. Стены квартиры содрогались от богатырского храпа, на полках звенела посуда. Дворничиха выпучила глаза, как бы извиняясь за причиненные неудобства.

– Что за новости?! Кто это? – возмутился я. – Еще один посланник генерала Вилсона? И явно живее двоих предыдущих!

Я принял подсвечник с двумя рожками из рук женщины и прошел в гостиную. Храп разносился из кресла, стоявшего у окна. Дородный господин лет пятидесяти спал, запрокинув голову на спинку. Пышные усы трепетали при каждом выхлопе из открытого рта. Свет упал на его физиономию. Он перестал храпеть, пошлепал губами, веки его дрогнули, глаза приоткрылись – сперва щелочками, затем шире, и гость разразился криком:

– А-а! Что-о?! Что за напасть?!

Он попытался вскочить, но, только забавно подпрыгнув, вновь плюхнулся в кресло и перекрестился.

– Простите, сударь, с кем имею честь? – спросил я.

– Полковник Парасейчук, – заспанным голосом представился он. – А вы верно действительный статский советник граф Воленский?

– Честь имею, – я кивнул.

– Что же вы, ваше превосходительство, так из темноты-то меня напугали? – промолвил он.

Я отступил в сторону, и он поднялся из кресла. В окне я заметил отражение своего лица между двумя свечами – испуг полковника оказался вполне простителен.

– Я откомандирован к вам для поездки в Москву, – произнес полковник.

– В Москву отправляемся завтра, – сказал я. – А пока вам будет сподручнее переместиться на диван. Засим, сударь, оставляю вас до утра.

Я удостоил полковника легким поклоном и направился было в спальню, но вдруг в дверь постучали.

Надворный советник Косынкин крайне изумился тому, что отворила ему дворничиха.

– А где же ваш камердинер? – Косынкин огляделся по сторонам, словно предполагал, что не заметил французиска в каком-нибудь углу.

---

¹⁶ What a dog! – (англ.) вот собака! По смыслу более соответствует восклицанию «Каналья!» Употребляется в разговоре или при размышлении об отсутствующем человеке.

- Я отправил его в Москву, – сказал я.
- В Москву?! Одного?! – вскинул брови Вячеслав Сергеевич.
- Что же тут странного?! Он же не ребенок, – ответил я.
- Да это ж небезопасно! Вы не представляете себе, что творится сейчас на дорогах! Народ творит самосуд, иностранцев убивают, а тем паче он француз! В умах людей нынче француз синоним шпиону!
- Надеюсь, доберется невредимым, – буркнул я, уже пожалев, что отправил Жана одного. – А вы?..
- А я собственно никакого дела не имею. Просто пришел проведать, узнать, не нужно ли чего? – сказал Косынкин.
- Очень даже нужно! Нужно! – обрадовался я. – Вот что, Вячеслав Сергеевич, а не достанете ли вы для меня верховую лошадь? А лучше двух.
- Верховую лошадь? – он удивился.
- Я, признаться, сильно задержался в Санкт-Петербурге. Верховом до Москвы доберусь быстрее и хоть как-то наверстаю упущенное время.
- Но это же...
- Знаю, далеко. Думаю, дня за три доберусь.

Глава 6

– Что там Парасейчук? – хмыкнул я, пробудившись утром, и вышел в гостиную.

Полковник поднялся из-за стола. Всю его грудь закрывали награды. На меня он смотрел со столь преувеличенным воодушевлением, словно верил, что сейчас я отдам распоряжение, и ему, после того, как он потрудился встать, останется еще повернуться, чтобы получить новый орден за как-то сам собою случившийся подвиг.

– Отдыхайте пока, сударь, – сказал я. – У меня остались еще кое-какие дела в Петербурге.

– А в Москву? Когда же мы поедем в Москву? – с разочарованием спросил он.

– Сегодня же и поедем, – ответил я. – А вы вот что, сударь, узнайте-ка пока, где этот господин сейчас проживает и чем занимается?

Я выдал полковнику «Санкт-Петербургские ведомости» и показал на объявление Христиана Венстера.

Я предполагал, что граф Аракчеев заставит меня долго ждать в приемной. Но Алексей Андреевич принял меня незамедлительно и встретил с доброй улыбкой, чего уж я никак не ожидал.

Десять лет назад я по воле случая оказался вовлечен в историю, распутать которую до конца мне не позволили. И я до сих пор сомневаюсь: правильно ли поступил, что сдался? И что получилось бы, раскрой я тогда весь механизм готовившегося заговора? Следы вели к графу Аракчееву. И я верил, что карьера Алексея Андреевича прекратилась бы навсегда.

Тогда верил, а ныне, когда государь устраивает бал в доме убийцы императора Павла и назначает этого убийцу начальником главного штаба армии¹⁷, я полагал, что и самые неприглядные факты не помешали бы Аракчееву подняться на вершину власти. Этой мыслью я и оправдываюсь перед собой за то, что десять лет назад уступил.

Прямого столкновения с графом Аракчеевым не произошло. Но он безусловно знал: когда его приспешники затеяли заговор, чтобы привести Длинного¹⁸ во власть, на пути встал я, граф Воленский.

Теперь всемогущий вельможа улыбался, кажется, вполне искренне: обиды он не держал и полагал естественным объединиться перед лицом войны с Наполеоном.

Он протянул мне бумаги.

– Здесь необходимые документы и письмо де Санглену, – сказал он. – В Москве на Малой Дмитровке дом капитана Уварова занимает Германский легион. При нем же расположен и штаб Высшей Воинской полиции Первой Западной армии. Там и найдете Якова Ивановича.

– Благодарю вас, ваше высокопревосходительство. Я намерен сегодня же выехать, – промолвил я.

– Бог в помощь, милостивый государь, – ответил Аракчеев.

Его слова напомнили мне аудиенцию у генерал-губернатора Вязмитинова. Аракчеев словно из воздуха уловил мою мысль и сказал:

– Я слышал, Вязмитинов был крайне раздосадован, что вы не приняли предложения служить в министерстве полиции.

– Право, было незначительное недоразумение. Уверен, оно уладилось. Признаться, я не имею намерения и в Воинской полиции задержаться надолго. Выполню поручение его величества и сразу же в действующую армию!

---

¹⁷ Речь идет о бале в Вильно в доме Л. Л. Бенигсена.

¹⁸ Длинный – одно из прозвищ графа А. А. Аракчеева.

– Между министерством полиции и Высшей Воинской полицией возникает естественная состязательность, – пустился в рассуждения Аракчеев. – И то, и другое ведомство ловит шпионов. Де Санглен действует более скрупулезно. Прежде чем доложить о поимке очередного злоумышленника, он добывает неоспоримые доказательства того, что тот и впрямь Наполеоновский агент, а не плод воображения какого-нибудь полицейского подпоручика.

– Вполне разумно, – произнес я.

– Да, но на поиск подтверждений уходит много времени. Люди Вязмитинова в таких случаях не церемонятся и потому о своих успехах докладывают чаще, – продолжил Аракчеев.

– Да, но в ходе дознания всплывет подтасовка, – сказал я.

Граф Аракчеев потускнел и с видом уставшего божества сказал:

– Ну, это если будет, с кем вести расследование.

Несколько секунд Аракчеев молчал, ожидая, чтобы я осмыслил его слова, затем добавил:

– Вот потому-то его величество и поручил розыск вам. Государь хочет знать наверняка, что нашли и арестовали именно этого Наполеоновского агента, а не выдали очередной труп за шпиона.

Возле дома стучали копытами и злобно фыркали два жеребца, светло-серый с кофейного цвета пежинами и гнедой. Надворный советник Косынкин дождался в квартире. Я преврал разгоревшийся между ним и полковником Парасейчуком спор. Судя по раскрасневшимся физиономиям, вопрос оказался животрепещущим.

– Вот, ваше превосходительство, а вы как считаете? – кинулся ко мне Косынкин в расчете обрести союзника.

– Я, простите великодушно, не знаю предмета вашей дискуссии.

– Только что поступили новости! – с воодушевлением начал Вячеслав Сергеевич. – Новая победа графа Витгенштейна...

– Какая же это победа? – пробурчал Парасейчук.

– А что же, по-вашему, победой может считаться только успех в наступательном деле?! – выпалил Косынкин и повернулся ко мне. – Баварская дивизия атаковала корпус Витгенштейна. Но мы не уступили! Баварцам дали отпор! Трех офицеров и сто пятьдесят солдат взяли в плен!

– Видите ли, Витгенштейн долго у Белого не продержится, – заявил полковник Парасейчук. – Когда вся армия отступает, невозможно малой ее части держать оборону!

Сводки из корпуса генерал-лейтенанта графа Витгенштейна разительно отличались от удручающих сообщений о действиях всей остальной армии. Барклай-де-Толли отступал, Баграцион проклинал Барклая, но подчинился отступательной тактике. И в это время граф Витгенштейн с завидной постоянностью громил противостоявший ему корпус маршала Удино.

Витгенштейн стал народным героем. И любой мало-мальски нелестный отзыв о нем оскорблял патриотов. Косынкин побагровел и, казалось, готовился с кулаками кинуться на полковника. Парасейчук хотя и сидел красный как вареный рак, но не предпринимал никаких попыток упредить возможное нападение, показывая тем самым, что оппонент его лишь хорохорится и весь его пыл уйдет в пар. Полковник заговорил, и в голосе его зазвучали примирительные нотки:

– Ну, поймите же, милостивый государь, я ничуть не умаляю заслуги графа. Но, видите ли, невозможно оставаться на месте, если вся армия отступает! Корпус Витгенштейна попросту окажется в окружении...

– В окружении?! – закричал Косынкин. – А Кутузов? Про Кутузова забыли? Князь со дня на день прибудет в войска! И мы начнем наступать!

– Ну, дай то Бог, дай Бог, – промолвил Парасейчук.

И было видно, он не верил, что с назначением Кутузова что-то изменится. Однако Косынкин слова полковника расценил как свою победу, успокоился и вдруг выдал нечто, совершенно неожиданное:

– А генеральное сражение двадцать шестого августа произойдет.

– Откуда вы это взяли? – вскинул брови полковник.

Я был удивлен и ждал объяснений.

– Число Зверя, – сказал Косынкин. – День двадцать шестой месяца восьмого. От двадцати шести отнять восемь будет восемнадцать. А восемнадцать состоит из трех шестерок. Шестьсот шестьдесят шесть – число Зверя.

– Ну, это уж совершенно пустые рассуждения, – Парасейчук взглянул на Косынкина с подозрением.

– Ничуть не пустые, – с легкой обидой откликнулся надворный советник.

– Видите ли, тут как посчитать. С натяжкой можно любой день назвать роковым. И десятое августа. А что? Десять плюс восемь – то же восемнадцать, в котором, как вы сказали, три шестерки. Или попросту восемнадцатое августа...

– Да, вы совершенно правы, – неожиданно согласился Косынкин. – А я и не говорю, что двадцать шестое августа единственный день Зверя в году. Между прочим, этот год целиком год Зверя...

– Конечно, конечно, – согласился полковник. – Одна тысяча восемьсот двенадцать. Восемнадцать – двенадцать. Один плюс два будет три. Именно столько шестерок в числе восемнадцать.

– Так что и десятое августа, и восемнадцатое могли бы стать роковыми. Но десятое августа уже позади. Восемнадцатое? Дай бог, к этому времени Кутузов доберется до армии. Тоже не годится. Но от него ждут немедленных действий. Так что двадцать шестое августа – самый подходящий день. Вот увидите, в этот день и случится генеральное сражение.

– А что же не второго сентября? – с сарказмом спросил полковник Парасейчук. – дважды девять – опять-таки восемнадцать.

– А второго сентября еще что-нибудь случится, – сказал надворный советник.

Я и не заметил, как заслушался их болтовней, словно думал найти в подтасовках с числами здравый смысл. Но кое-какая польза все-таки была – этот вздор примирил полковника и надворного советника.

– Ладно, господа, довольно! – сказал я. – Чьи это кони внизу?

– Ваши, вы же просили верховых лошадей, – с чувством исполненного долга ответил Вячеслав Сергеевич.

– Хорошие скакуны? – спросил я.

– Ростопчинские! – с гордостью сказал Косынкин.

– Что ж, надеюсь, ростопчинские жеребцы найдут дорогу к графу Ростопчину, – промолвил я и повернулся к полковнику Парасейчуку. – Вы готовы, сударь?

– Я?.. Готов!

Он поднялся из-за стола, физиономия его приобрела растерянное выражение.

– Что-то не так? – спросил я.

– А, позвольте... по поводу жеребцов? – промямлил Парасейчук.

– Мы потеряли много времени в Петербурге, – сказал я. – Верхом хоть как-то наверстаем упущенное.

– Верхом? До Москвы? – полковник выпучил глаза. – Это же семьсот верст! Мы сотрем себе задницы до костей!.. Простите, ваше превосходительство! С уст сорвалось!

– Ага, милостивый государь! – злорадно воскликнул Косынкин. – А как же французы?! От самого Парижа только что до Москвы не доскакали! И задницы, как вы изволили выразиться, не стерли!

Вячеслав Сергеевич смотрел на Парасейчука с превосходством, еще раз почувствовав себя победителем в споре.

– При чем здесь французы?! – буркнул полковник. – Видите ли, я совершенно не приспособивался проделывать верхом столь дальние поездки. Я рассчитывал, что мы поедем в коляске.

– Ваше превосходительство, возьмите меня с собою! Непременно буду полезен вам, – едва не взмолился Косынкин.

– Да как же вы будете полезны, если вы даже не знаете о цели моего путешествия? – удивился я.

– Знаю! Знаю! – воскликнул Вячеслав Сергеевич, уверенный, что обрадует меня своей осведомленностью. – Вы едете арестовать французского шпиона! Парасейчук мне рассказал!

Я взглянул с возмущением на полковника, и тот совершенно стушевался под моим взглядом.

– Вот что, – принял решение я, – если поездка верхом вам не по силам, отправляйтесь в Москву на перекладных.

– Но это неправильно, – промолвил полковник и бросил недовольный взгляд на Косынкина.

– Вячеслав Сергеевич, – попросил я надворного советника, – ступайте, готовьте лошадей. Косынкин попрощался с полковником и ушел.

– Мы договаривались действовать сообща, – обиженным тоном произнес полковник Парасейчук.

«Мы не договаривались, что Вязмитинов пришлет офицера, не обученного верховой езде», – подумал я, а вслух сказал:

– Но так будет лучше. Нас не должны видеть вместе, генерал-губернатор говорил о тайном сотрудничестве. Вы остановитесь... допустим, в Спасском подворье. И пошлете весточку мне на Петровку. В дом отставного секунд-ротмистра Сергея Михайловича Мартемьянова, это мой тесть.

– Но... – полковник хотел возразить, но не нашелся, что сказать.

– Лучше расскажите, удалось ли что-то выяснить о Христиане Венстере?

– В Петербурге его давно уже нет, – ответил полковник Парасейчук. – Он отправился в Москву еще в конце июня. Наверное, показывает свои фокусы там.

В Москву мы двинулись вдвоем с надворным советником Косынкиным. Настроение у Вячеслава Сергеевича было приподнятое. Относительно спокойная служба в Санкт-Петербурге ему наскучила. Пожалуй, он не кривил душой и с радостью отправился бы в действующую армию. И я надеялся, что вскорости такая возможность представится нам обоим.

В начале пути ростопчинские скакуны показывали злой нрав, но вскоре примирились с седоками и послушно несли нас вперед. Косынкин великолепно держался в седле, мы быстро перешли «на ты», разговорились, и время летело незаметно.

Выяснилось, что помимо патриотического желания бить французов, у Вячеслава имелась и сугубо личная причина для поездки: он рассчитывал застать в Москве некую Анастасию Кирилловну Мохову.

– Она просто чудо! Чудо! – повторял он вдохновенно. – Сам увидишь! Непременно увидишь! Она приехала из Смоленска, со своим старшим братом...

Тут отчего-то он замолчал, словно воспоминание о ее брате несколько омрачало настроение.

– Ты с таким восторгом о ней говоришь, – сказал я, поймав себя на том, что завидую Косынкину.

Я питал самые нежные чувства к своей Жаклин, но в них уже не было той свежести, которая заставляла трепетать от одной только мысли о предстоящем свидании.

– Обвенчаться нужно до того, как я отправлюсь в армию, – рассуждал Косынкин. – Мы все время откладывали, то одно, то другое, а время идет, ей уже тридцать шесть лет.

И я вспомнил показавшуюся мне странной фразу, сказанную им при нашем знакомстве. Вячеслав тогда говорил, что непременно отправится в армию, когда французы отступят за пределы Российской империи. Теперь странности этой нашлось объяснение: Косынкин хотел жениться прежде, чем братья тянуть военную лямку.

– Обвенчаются, а к тому времени Наполеона как раз и выгоним, – сказал я.

– Вот-вот, а тогда-то и пройдемся по загранице, трофеев соберем, – ответил надворный советник.

– Трофеев? – удивился я.

– А как же? Как кому, а мне, может, судьба и не выкинет другого случая хозяйство поправить, – с обескураживающей непосредственностью пояснил Косынкин.

Я ничего не сказал, мысленно пожурив себя, что чересчур скоро позволил надворному советнику быть со мною накоротке. Разговор сам собою иссяк.

День быстро сходил на нет, верховая езда утомила нещадно, ноги болели, и я поневоле задумался о том, что погорячился, нужно было ехать в коляске.

– Еще не жалеешь, что напросился со мною? – спросил я.

– Ничего-ничего, – он через силу придал голосу бодрости. – Время пройдет, и о мозолях не вспомнишь! А вот шпиона поймаем, так еще и дети гордиться будут!

Поздней ночью мы добрались до Чудова и решили передохнуть. Нашли почтовую избу, препоручили заботу о лошадях почтовому комиссару и, условившись положить на сон четыре часа, свалились на скамьи. Я думал, что мгновенно усну, но ноги разнылись и, кажется, половину отведенного на отдых времени, я мучился бессонницей. Но едва рассвело, мы поднялись, я чувствовал себя на удивление бодрым. Мы немедленно отправились дальше, чтобы в нежаркие утренние часы проделать как можно больший путь.

После давешнего пекла мы бы порадовались легкому дождику. Но солнце поднялось над лесом, и воздух загудел от жары. Ошалевшие жуки и мухи звенели и норовили залететь в глаза.

Мы проехали через Вышний Волочок и на выезде из города догнали коляску. Двое офицеров верхом сопровождали ее. Следом двое солдат катились в телеге. В экипаже находился генерал. Он приветливо улыбнулся нам и окликнул:

– Куда направляетесь, господа?

– В Москву, – ответил я.

– До Москвы далеко еще, – сказал он. – Вижу, вы проделали долгий путь, сдастся мне, от самого Петербурга верхом.

– Спешим, – откликнулся я.

– Я генерал-провиантмейстер Осип Николаевич Лоза, – представился он. – Господа, позвольте пригласить вас. Доедем до Твери в моей коляске, там переночуете во дворце, его высочество будет счастлив оказать гостеприимство.

– Его высочество? – переспросил я.

– Принц Георг Ольденбургский сейчас в Твери, – подтвердил генерал.

– Почтем за честь воспользоваться вашей добротой, – сказал я. – Тем более, что я имею приватное поручение к его высочеству от вдовствующей императрицы. Я действительный статский советник граф Воленский Андрей Васильевич, со мною надворный советник Вячеслав Сергеевич Косынкин.

Мы спешили и пересели в коляску гостеприимного генерала.

– Рад знакомству, рад. Вместе веселее. Доберемся быстро. Вот только заедем в одно местечко, это ненадолго, – он произнес эти слова таким тоном, словно извинялся.

«Одним местечком» оказался Торжок. Привели купца с куцей бороденкой и маленькими глазками, одетого в засаленный кафтан с заплатками. Он с бессвязными причитаниями кинулся в ноги Осипу Николаевичу.

– А ну встань, неопрятище! – рыкнул на него генерал-провиантмейстер.

Едва купчишка поднялся на ноги, Лоза двинул ему кулаком в зубы. Тот кубарем улетел в запруженную канаву. Гуси, хлопая крыльями и гогоча, разбежались в стороны. Крестьяне, стоявшие поодаль, судя по ухмылкам, отнеслись к случившемуся с одобрением.

– Помилуйте, ваше превосходительство-о-о! – завыл купчишка.

Он выбрался из канавы, вода стекала с его кафтана, бороденка спуталась с ряской.

– Что – помилуйте?! – прогремел Лоза. – До конца войны, пес, на одной тюре сидеть будешь! Или что – тюря¹⁹! Повесим тебя, вот и все дела! Другим в назидание!

Купец захлюпал. Генерал подал знак, солдаты схватили его, бросили на телегу. Мы поехали дальше.

– Эх, мало я ему дал! – посетовал генерал-провиантмейстер, разминая правый кулак.

Мы с Вячеславом в недоумении переглянулись.

– Вор он! – пояснил Лоза. – Получил подряд магазин подготовить, заплатили ему за труды... мелкая душонка! Тьфу!

Осип Николаевич с чувством плюнул, показав, что во время войны за подобную работу на государство грех плату брать.

– Запасы, продовольствие там, фураж, – все получил он, – продолжил генерал-провиантмейстер. – И на! На вторую ночь сгорел магазин! И этот вор говорит, что крестьяне его сожгли! Испугались-де, что Наполеон сюда дойдет и все французам достанется!

– Дойдет он сюда! – фыркнул Косынкин. – Подавится!

– Это ж понятное дело, мерзавец украл все, распродал, гнида! Сам и сжег магазин! Какие-то упаковки для виду разбросал на пепелище!

Я бросил взгляд на телегу, на грязную фигурку купчишки. Презрение и жалость он вызывал одновременно. В военное время вешать нужно таких, не мешкая. А с другой стороны, тоже ведь человек, жить как-то хочет.

До Твери мы добрались под вечер, когда тени по левую руку сделались длинными. Навстречу нам неспешной вереницей двигались подводы с домашним скарбом. Коровы, козы, жеребята, привязанные к телегам, мычали и блеяли, но обреченно волочились вперед. Клубилась пыль, песок прилипал к лицу и скапливался во рту.

– Что это за паломничество? – удивился я.

– Бегут из Твери, – сказал Лоза.

– Из Твери? Что за абсурд?! – откликнулся я.

Вячеслав вытянул шею и крикнул мужичонке, попавшемуся навстречу:

– Эй, любезный! Откуда путь держишь?

– Тверской я! Откуда ж еще?! – без тени смущения ответил тот.

– А что случилось? – спросил я. – Почему вы все бежите?

– Так Наполеон же идет! – объяснил мужичонка.

– Не понимаю, – вымолвил я. – Где Тверь и где Наполеон!

История с купчишкой, разговор со случайным встречным и идущие навстречу одна за другой груженные подводы произвели на меня удручающее впечатление. Бегство мирных жителей было уже не отвлеченной сводкой о продвижении Великой армии, а зримым подтверждением успехов Наполеона.

---

¹⁹ Тюря – хлеб или сухари, крошенные в соленую воду.

Мы въехали в Тверь. Шоссе бежало вдоль берега Волги. По правую руку тянулись жилые дома, огороды за ними спускались к реке. Город обезлюдел, от заколоченных досками дверей веяло страхом, дома пустовали.

Мы проехали чуть дальше переправы и остановились возле храма Воскресения Христова²⁰.

– Ну-с, зайдем, перед исповедниками грехи б замолить, – промолвил Осип Николаевич.

Генерал взглянул на храм с тоскливой озабоченностью, словно сомневался, что ему позволительно войти внутрь. Однако же он решился, и мы с Вячеславом последовали за ним.

– А генерал-то наш шалун, раз уж грехи перед покровителями домашнего очага замаливает, – вполголоса сказал я.

Осип Николаевич молился со старанием, свидетельствовавшим о том, что с соблюдением святости семейных уз у него случилась серьезная неурядица. Косынкин ничего не ответил, кажется, озаботившись прощением каких-то собственных прегрешений. Я покинул церковь первым, и добрую четверть часа любовался барочным «восьмериком на четверике»²¹, как вдруг случилась совершенно неожиданная встреча.

– Bonjour, Comte²², – услышал я знакомый голос.

Я обернулся и увидел карету, в окно выглядывала графиня де ла Тровайола.

– Сандра! – удивился я, про себя воскликнув: «Heus-Deus²³, ты решил мне припомнить, что и я не без греха!»

– Невероятная встреча, – сказала графиня де ла Тровайола. – Куда направляешься?

– В Москву, – ответил я и поспешил уточнить. – В армию.

– Ну, а я подальше от театра военных действий. Что ж, прости, я очень спешу. Буду молиться за тебя. Надеюсь, когда все кончится, мы еще увидимся и будем пребывать в добром здравии.

Она похлопала рукою по дверце, возничий щелкнул кнутом, и карета покатила вперед. Вскоре она затерялась среди других экипажей, телег и подвод. А я все всматривался вдаль, словно надеялся на какой-то знак, – может, мелькнула бы ее рука с платочком? Бог весть, зачем мне было это нужно? И слава богу, что я путешествовал без Жаклин, эта встреча надолго испортила бы ей настроение.

– Что там? – голос Вячеслава пробудил меня.

– Ничего, – ответил я.

– Ты так смотрел, – обронил он, вглядываясь вдаль.

Мы вернулись к наплавному мосту. Десяток барок, стоявших на якорях, перекрывали всю ширину Волги. Мы переправились на другую сторону и через минуту были в путевом дворце.

Его высочество принц Георг Ольденбургский принял меня в кабинете.

– Я имею разрешение... вернее сказать, поручение от государя, – поведал я, – сформировать небольшую группу отчаянных смельчаков, чтобы убить Бонапарта. Мы подготовим базу в Теплом Стане, это небольшое село к юго-западу от Москвы.

– Ваша миссия сопряжена с крайней опасностью для жизни, – невеселым голосом промолвил принц Ольденбургский.

– Что делать, ваше высочество, – ответил я. – Почту за честь, если сумею совершить ее. В наши дни о собственной жизни не приходится думать...

---

²⁰ Храм Воскресения Христова, он же Храм Трех Исповедников в Твери, имел два престола: Воскресения Христова и покровителей семейного очага святых мучеников Гурия, Самона и Авива.

²¹ Восьмерик на четверике – архитектурная композиция. Храм Воскресения Христова в Твери – двухъярусная церковь, построенная в стиле барокко, первый этаж имеет четыре угла, второй – восемь.

²² Bonjour, Comte – (франц.) Здравствуйте, граф.

²³ Heus-Deus – (лат.) Эй, Бог!

– Мне сказали, что у вас есть какое-то приватное поручение ко мне от императрицы-матери, – напомнил принц Георг.

– Да, ваше высочество, – я сделал небольшую паузу, чтобы подчеркнуть деликатность вопроса. – Ее величество обеспокоена некоторыми слухами...

– Слухами? – переспросил принц.

– Только слухи, – подтвердил я. – Злые языки распускают их. Но в свете положения ее высочества Екатерины Павловны...

– Катеньки? – переспросил он.

– Да. Словом, глупая история. Кто-то якобы видел вас в карете с неизвестной дамой...

– Ах, вот оно что! – воскликнул принц. – И что? Что сказала императрица?

– Она снисходительна по этому поводу, – ответил я. – Но ее беспокоит, что злые языки донесут до ее высочества Екатерины Павловны...

– Не волнуйтесь, граф, – улыбнулся принц. – Катенька сейчас в Ярославле. И я намерен завтра же утром отправиться к ней. Касательно ж, дамы...

Он замешкался, а затем махнул рукой. Я почувствовал некоторое беспокойство, мелькнула мысль, что эта дама может оказаться агентом Наполеона. Но с другой стороны, принц Георг поставлен генерал-губернатором над Тверской, Ярославской и Новгородской губерниями, а шпион, которого ищу я, явно действует в Москве. Имя этого шпиона уже известно – аббат Адриан Сюрюг. И все, что от меня требовалось, это доехать до Москвы и арестовать этого паписта. К тому времени, как Парасейчук доберется до Белокаменной, дело будет сделано, полковнику останется только место найти на груди для очередной награды.

Я вспомнил, что именно здесь в Твери в стенах путевого дворца принималось решение о назначении графа Федора Васильевича Ростопчина московским генерал-губернатором. Ростопчин гостил у великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского, а затем их высочества посетил император Александр Павлович. Государь не жаловал графа Ростопчина. Но Екатерина Павловна убедила августейшего брата, что энергичный, деятельный, ненавидящий французов Федор Васильевич именно тот человек, который нужен во главе Москвы во время войны с Наполеоном.

– Прошу простить меня, ваше высочество, – промолвил я. – Ваше слово возымело решающее значение при назначении графа Ростопчина генерал-губернатором...

– Не преувеличивайте моих заслуг, – принц поднял руки. – Решающее слово осталось за Катей.

– Я подумал, что вы знаете Москву, общество. Не встречалось ли вам такое имя – Адриан Сюрюг?

– Адриан Сюрюг? – переспросил принц и рассмеялся. – Кто же не знает аббата Сюрюга? Он иезуит, настоятель храма Святого Людовика, глава общины московских католиков, а ко всему прочему духовник Екатерины Петровны, супруги графа Федора Васильевича.

Я едва не подпрыгнул от радости. Все улики указывали на то, что аббат Сюрюг и есть тот самый шпион, изловить которого поручил мне государь-император. Убитый агент Гржиновский передал записку аббату Билло, а тот состоял в корреспонденции с Сюрюгом. Зарезанный ранее Хоречко должен был передать фразу о жене Цезаря. Все сходилось! Аббат Сюрюг пользовался доверием супруги московского генерал-губернатора и, очевидно, через нее добывал важные для Наполеона сведения. «Жена Цезаря вне подозрений, а зря», – решительно, это сказано было про нее.

Я хранил невозмутимость, чтобы не смущать принца внезапной радостью. Правда, и некоторое разочарование испытывал я: чересчур просто все разрешилось. Впрочем, я и хотел поскорее покончить с этим делом и отправиться в действующую армию!

– Вы прибыли вдвоем, – ни то спросил, ни то констатировал принц.

– Да, – я кивнул. – Со мною надворный советник Косынкин. Хотя должен был поехать полковник Парасейчук. Его через Вязмитинова приставил наблюдать за мной Аракчеев.

– Почему вы так решили? – без особого интереса спросил принц Георг.

– Некоторые детали моей миссии известны были лишь мне и его величеству, – поведал я, под «некоторыми деталями» подразумевая поручение найти шпиона, а не убить корсиканского недомерка. – Но тут выяснилось, что чересчур много знает и Парасейчук. Полагаю, его величество если и посвятил кого-то в тонкости дела, так управляющего своей канцелярии Аракчеева, а не Вязмитинова.

– А что же Парасейчук? Где он? – насторожился принц.

– Телепает где-то позади в коляске, – ответил я.

– Оставайтесь ночевать здесь, а поутру отправитесь дальше, – предложил принц Георг.

– Премного благодарен, ваше высочество, почту за честь и останусь с превеликим удовольствием.

– Андрей Васильевич, и вот еще – по поводу слухов о даме, – принц неожиданно вернулся к деликатному вопросу. – Это замечательная женщина, но она есть предмет сердечной тайны...

Черт подери, чертыхнулся я про себя. После такого признания будет непросто оправдаться перед вдовствующей императрицей за то, что не арестовал эту mistress²⁴.

– Но это не моя тайна, – продолжил принц. – Вот почему не считаю себя вправе пускаться в откровения. Слухи, которые дошли до ее величества, простое недоразумение. Как только увижу Катеньку, расскажу ей все сам, посмеемся вместе, тем более, что Катя знает и эту даму, и того человека, чьей сердечной тайной она является.

Я почувствовал облегчение. Получалось, что и в хитрости не стоит пускаться, чтобы отвертеться от щекотливого поручения императрицы Марии Федоровны.

– Я сегодня же напишу письмо ее величеству. И попрошу вас, Андрей Васильевич, со своей стороны успокоить императрицу-мать, – закончил принц.

– Сей же момент напишу и я, – заверил я его высочество, уверенный, что с чистым сердцем могу успокоить ее величество Марию Федоровну.

– Не стоит вам торопиться, Андрей Васильевич, – многозначительным тоном произнес принц Георг. – Вам следует отдохнуть, а Марии Федоровне напишите из Москвы.

– Как вашему высочеству будет угодно, – ответил я, догадавшись, что мне уготован еще какой-то сюрприз, связанный с «чужою сердечной тайной».

Сюрприз, призванный убедить меня в невинности отношений неизвестной дамы с принцем Ольденбургским.

Поневоле завладели мною мысли о незнакомке. Кто же она такая? Чья «сердечная тайна»? Видимо, близкого принцу человека, коли он принимает участие в ее судьбе. Воображение нарисовало красавицу, черты которой хотя проступили и не вполне ясно, зато были овеяны романтическим флером. Бог весть, чья она «сердечная тайна»? И почему его высочество вынужден опекать ее? Не нужно ли освободить его от этой обузы? И почему принц настоял отложить корреспонденцию вдовствующей императрице? Что за сюрприз он мне уготовил? Может быть, доведется быть представленным таинственной незнакомке?

Утром оказалось, что его высочество Георг Ольденбургский покинул Тверь накануне, пока мы спали. Принц отправился в Ярославль.

Во время завтрака ко мне обратился лакей:

– Ваше превосходительство, его превосходительство генерал-провиантмейстер Лоза желает переговорить с вами.

– Так позови же его, – кивнул я.

---

²⁴ Mistress – (англ. сленг) любовница женатого мужчины.

В обеденный зал вошел генерал.

– Позвольте, Осип Николаевич, что за церемонии? – я поднялся навстречу.

Генерал бросил короткий взгляд на Косынкина и выдал смущенную улыбку. Вячеслав заметил его уловку, проглотил кофий и поднялся из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.